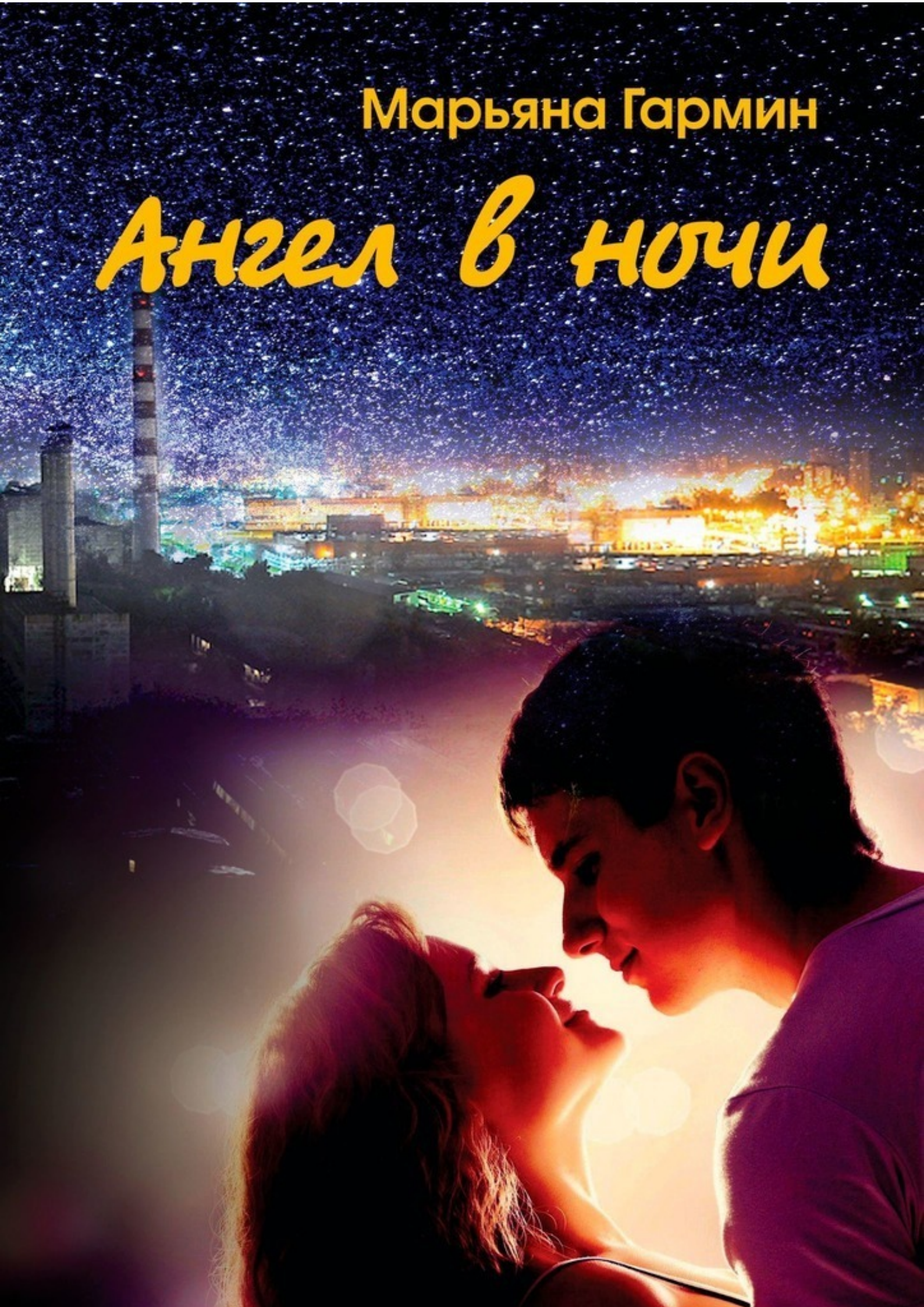

Марьяна Гармин

Ангел в ночи

Марьяна Гармин

Ангел в ночи. Забытые дневники

«Издательские решения»

Гармин М.

Ангел в ночи. Забытые дневники / М. Гармин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932453-5

В середине 80-х Советский Союз еще и не думает распадаться, но в воздухе все больше пахнет свободой. Алена Петухова приезжает в подмосковный Уреченск и устраивается на завод, переживающий не лучшие времена. Наравне со всеми Алена собирает колхозный урожай и заводит друзей, создает чертежи и отстаивает свою территорию в общежитии, влюбляется и становится объектом интриг. Кто посмеет сказать, что производство лишено романтики? Только тот, кто никогда не был молодым.

ISBN 978-5-44-932453-5

© Гармин М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ангел в ночи Забытые дневники

Марьяна Гармин

*Всем кого любила и люблю
посвящается.*

© Марьяна Гармин, 2018

ISBN 978-5-4493-2453-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

История, которую я хочу вам поведать, завязалась осенью тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, время начала перестройки – смутное и сумбурное время.

Надо сразу предупредить читателя, что ежели вы хотите прочитать захватывающий рассказ с погонями и перестрелками о спасение мира, можете выбросить эту книжку в ближайший мусорный бак. Нет, мир мы спасти не будем, разве что от самих себя, да и количество суперменов на душу населения растет с каждым часом, если судить по кинофильмам и книжкам. Одним словом: супергероями сейчас можно, по меньшей мере, раза четыре опоясать земной шар. Нет, мир спасти не будем, боюсь, затеряемся. Спасателей – много, Спаситель – один.

Так вот: эта история случилась одним сентябрьским утром, когда ласковые лучи солнца так хороши, что все живое и неживое никак не может впитать в себя этот прощальный ультрафиолет. Все буквально оцепенело от счастья. Редкий желтоватый листок с красными прожилками качнется на мгновение и лениво остановится, совсем не думая падать. А лучи солнца все играют и играют в редких прорехах золотистых кущ и, пролезая сквозь тесные щели, безмятежно шлепаются на асфальт, покрывая его сверкающей паутиной. Тишина стоит такая, что каждая проезжающая машина гремит как самолет, на взлетно-посадочной полосе напоминая о нашем месте расположения.

Нет, это не поле и не лес. Представьте себе аллею метров триста в длину, усаженную громадными тополями, верхушки которых потихоньку начинали лысеть. Рядом с аллеей пролегает шоссе, точнее просто полу разбитая дорога. К другому боку этой аллеи прилепилось большое, серое здание с единственной стеклянной дверью, расположенной прямо по центру. Кирпичные стены потихоньку начинали осыпаться, поэтому, то тут, то там виднелись шерба-тые выбоины, как после обстрела. По нашей аллее неторопливо двигаются три фигуры, твердо намереваясь зайти в это самое здание. Даже издали можно заметить, что это особы женского пола еще совершенно зеленые, как та же петрушка в огороде. Они тихо беседуют на ходу, сгребая ногами, редкий шуршащий серпантин опавших листьев. Девушки открывают стеклянную дверь, и это здание, именуемое завод «Красный пролетарий», проглатывает их совершенно бесследно.

– Вот это развалина! А я думала, у нас разруху ликвидировали. И здесь нам жить целых три года! – заметила Света, высокая, рыжеволосая девушка с ямочкой на подбородке. Круглое лицо и виноватый взгляд серых глаз. Некоторая угловатость в ее движениях выдавала природную робость, которая с лихвой компенсировалась приобретенной прытью.

– Да! Три года жизни просто взять и вычеркнуть! – язвительно добавила ее сестренка и, уверенно положив руки на талию, медленно оглядела неприметное фойе, выкрашенное белой эмульсионной краской, с серыми панелями, с крапчатым полом, выстеленным плиткой и двумя прозрачными кабинами с вертушками. Звали ее Оленькой. Она была пониже ростом и несколько стройнее своей не по годам расплывшей сестры. Зеленые глазки и хорошенький носик давали ей шанс претендовать на успех у мужчин, если бы не чрезмерная манерность и заносчивость, которая царила во всем ее облике. Горделивая осанка не портила фигуру, но высокомерие уродовало взгляд.

– Нет, милочка, и разруха осталась и неграмотность. Теперь вот нас на прорыв пустили, будем поднимать экономику. Чувствуется, что прогресс обошел стороной именно наш район, – Света опустила вниз уголки губ.

– Да, жизнь не ровна! – вступила в разговор третья спутница, которую звали Аленкой, – Светка, не надорвись!

– И чему здесь можно научиться? Явно не стройка века! – Олечка погрустнела, – Попользуются и выбросят через три года, как старый матрац.

– Боже! А на ВАЗе как было здорово! – заметила Аленка, – А здесь – начало двадцатого века. Такое ощущение, что нам кирпичи на голову полетят, – Она задумчиво покачала головой. На фоне своих рослых подружек девушка казалась переросшей куклой. Светлые золотистые волосы, большие синие глаза, и миловидное детское личико. Наивность на границе с глупостью – жуткое сочетание, но такое милое сердцу.

– И не хватает-то всего одной гранаты, чтобы он разлетелся, – Светка взмахнула руками, не замечая собственной сумки и, с силой ударила по бедрам, – Да бомбу сюда уже можно не бросать, сам развалится.

– Сбежать нельзя, нужно отработать. На ВАЗ-е было отлично! Восемь проходных – целый завод-город. Как вспомню цехи-автоматы, плохо становится. А общага, какая была: пол – паркет, кухня – шестнадцать метров! С этим не сравнишь. И куда нас занесло! – окончательно расстроилась Ольга.

– И почему именно сейчас вспомнилось любимое «Введение в специальность» наших профессоров, – Аленка состроила кислую гримасу, – «Каждую секунду на ЭВМ поступают мегабайты информации и всю эту информацию нужно обрабатывать», – Аленка выпалила скороговоркой, – Мне почему-то кажется, что не поступают...

– Да... После родной Самары, здесь конечно – не фонтан! И пойти некуда, а дома какие – развалюхи, кажется им лет по девятьсот. Как в них люди живут? Надо было брать ВАЗ! – громко вздохнула Олечка – А ты все: «К Москве поближе, к Москве поближе. Вот тебе и поближе. Слышь, Светик нам кажется туда, – она указала пальчиком на кабинку с вертушкой.

– Нам в отдел кадров, – Светка с презрением бросила женщине, сидевшей за стеклом.

– Направо и туды, – ответила вахтерша, рукой указывая на темный коридор, от которого повеяло прохладой, сыростью и тишиной.

– Туды, так туды! – Девчонки быстро устремились вперед.

Жизнь подмосковного города с редким названием Уреченск не сулила им ничего хорошего. Старинный, небольшой городок в центре страны с обветшалой архитектурой, редкими, обгаженными голубями, памятниками, единственным собором в центре города и такими же редкими сколь и чистыми увеселительными общепитовскими столовыми, навевал на них тоску. Мысль провести здесь три года, вдали от родных и старых друзей, вдали от ярких дискотек, баров и клубов, театров и цирков, стадионов и дворцов спорта... в этом богом забытом месте, не давала им покоя. Их место распределения казалось им настоящей ссылкой.

Когда тебе двадцать два, вся жизнь только начинается. Один ВУЗ закончен, теперь надо было поступить в другой. Аббревиатура ВУЗ расшифровывалась, как выйти удачно замуж. На что только не идет женщина ради своего счастья! К тому же это счастье еще нужно найти. Чего стоит отличная учеба в школе, я уже не говорю про политехнический ВУЗ. И все ради того, чтобы найти спутника жизни, свить гнездышко, вывести цыплят...

Так вот: все должно быть впереди, а спокойный Уреченск – райское место для начинающих пенсионеров, то есть для тех: у кого ВСЕ уже позади. И это для наших «столичных» дам!...

Продолжая обсуждать представшее их глазам мрачное сооружение, девушки прошли через проходную и направились к двери с табличкой «Отдел кадров».

– Вы, молодые специалисты? – бегло взглянув на них поверх очков, спросила женщина, сидевшая в кресле, – А что так поздно? Ведь уже сентябрь? Вы должны были приехать в августе. Мы с таким трудом набрали людей в колхоз, – Злобно проворчала она.

Девчонки виновато помялись, и что-то было попытались пропищать в свое оправдание, ссылаясь на летний сезон, период отпусков, дефицит билетов и загруженность железных дорог, и даже на опоздание поездов на двадцать четыре часа. Вся красочная тирада наших подружек долетела до стены и опростетью бросилась в раскрытую форточку, пока инспектор наморщив нос что-то пыталась прочитать в их дипломах. Она лениво подняла глаза и добавила:

– У нас только две ставки в отделе Метрологии и одна в ОГК. Сами решайте, кто куда пойдет, – пробурчала она и небрежно бросила дипломы на стол.

Пройдя темный коридор и фойе, девчонки вышли в небольшой заводской скверик. Темная зелень тополей и каштанов поднималась ввысь над мрачными безликими корпусами и была такой сочной, не смотря на толстый слой заводской пыли, словно смена времен года ее не коснулась. Клумбы, засаженные смешливыми незабудками и восторженными флоксами, разделялись деревянными скамейками, тонкие рейки которых были выкрашены яркой палитрой красок. Здание заводоуправления заслоняло светила в любое время суток, отчего в нем всегда было немного сумрачно и прохладно. Надо сказать, что климат на заводе был в среднем на четыре градуса ниже, чем климат за заводской проходной, что каждодневно фиксировали термометры, висевшие над дверями. Трудно сказать почему... Над сквером висел транспарант кумачового цвета с лозунгом: «Родине – ударный труд!»

От скверика рукавами расползались две аллеи с разбитым асфальтом с посаженными вдоль них деревьями, доходившими почти до крыш заводских корпусов. Листва на деревьях стала серо-желтой от постоянной колесной пыли, которой пропитался и воздух, и стены и транспаранты, и только тополиные макушки по-прежнему радовали глаз чистой изумрудной зеленью. Шум постоянно работавших станков и двигателей создавал тот неповторимый гул, который так удручающе действовал на наших спутниц. Девчонки шли, молча навстречу своей судьбе, совершенно не желая обсуждать приоритеты выпавших им мест.

Начальником отдела метрологии в те времена был Сергей Петрович Козлов. Вверенное ему подразделение занимало второй этаж восьмого корпуса. Недавний ремонт коридоров, выложенных белой кафельной плиткой, новое оборудование и офисная мебель, переносили вас, если не в долгожданную Европу, то точно в цивилизацию. Отдел занимался поверкой приборов, так что особенно не перегружался, сидя на балласте завода, не обремененный ни планом, ни комиссиями, ни чрезмерной отчетностью. Он казался нашим героиням тем крохотным лучиком света, что пробивается сквозь дебри заводского забора. Итак, напомним: девушек было три, а «теплых мест» только два.

Сергей Петрович рассеянно смотрел в окно, прокручивая циферблат телефона, когда тишину кабинета нарушил стук в дверь и три молодые девушки со словами: «Здравствуйте. Можно», – впрхнули в кабинет.

– Мы, молодые специалисты. Нас к вам направили из Отдела кадров, – дружно выпалили девчонки, расплываясь в такой ослепительной улыбке, дополняя ее частым похлопыванием ресниц так, что Сергей Петрович как-то сразу заерзал в своем рабочем кресле и откинулся на спинку, расслабляя душный узел галстука.

– Мы приехали из Самары после окончания Политехнического института, – добавила расторопная Светка, – Так и не дождавшись приветствия.

– А что так поздно? Вы должны были приехать в августе, а сейчас уже сентябрь, – Сергей Петрович сдвинул брови, перестал крутить циферблат и взял в руки лежавшую на столе папку, – В колхоз надо кому-то ехать, – он тяжело вздохнул, словно отправлял людей на фронт, – Никто не хочет ехать, никакой сознательности у людей нет, урожай гибнет.

– Хотелось еще немного погулять, – виновато добавила Света и застенчиво потупилась в пол, явно не желая проникаться заводскими трудностями, – Не скажешь же ему, что специально не приехали в срок, чтобы не «загреметь» в колхоз, – промелькнуло в голове у Светки.

Он, снова бросив беглый взгляд на трех полу столичных специалистов, затем, немного помолчав, произнес:

– Ладно... У нас только две вакансии. Так, что решайте, кто останется, – он снова перевел взгляд на окно.

– Мы две сестры – близнецы. Всю жизнь вместе, в школе вместе, в детском саду вместе, в институте вместе... Вы же знаете, что близнецов нельзя разлучать, – Светка быстро села

на стоявший стул, немного прилегая на стол Сергея Петровича, – Давайте мы и останемся! – она почти выкрикнула.

– Ваши фамилии, – Козлов испуганно отодвинулся от стола.

– Ветровская Светлана Анатольевна и Ветровская Ольга....

Какая скорость!!! Кто успел, того и не съели. Не став ждать, когда ее попросят вон, обиженная Аленка быстро направилась к выходу. «Вместе, вместе, попа в тесте. Так тебе и надо. Не будешь щелкать клювом в кругу друзей. Вечно они со своей семейственностью. Надо было ехать одной, в августе. Какая я дура, что их послушала. Если на то пошло, то решать нужно было честно. Я училась лучше и по „распределению“ шла впереди них, значит, остаться должна была я. Интересно знать: замуж они тоже будут вместе выходить?», – так рассуждала Аленка, и обида, как вода в чайнике закипала в ее груди, ноздри раздувались, как транспаранты. Она сжимала кулачки, совершенно не замечала обгонявших ее машин и мотороллеров. Аленка прошла «Аллею трудовой славы», по обе стороны которой размещались огромные портреты передовиков производства, помещенные в тяжелые железные рамы, выкрашенные любимой серой краской. Большие фонари, с разбитыми плафонами перемежались с огромными черными мусорными баками и длинными деревянными ящиками, сколоченными из грубых неотесанных досок. Металлическая стружка хрустела под ногами и прорезала подошву австрийских туфель цвета свежего антрацита.

Внезапно ее взору открылось большое светлое здание инженерного корпуса и на Аленку снова повеяло весной... Выстроенное согласно современным представлениям об организации производства, и задуманное, как проект передовой мысли, оно должно было символизировать «новые идеи» в современной архитектуре. То ли, на проекте сэкономили, то ли эксперимент был неудачным, то ли строили двоечники – он постоянно преподносил сюрпризы. Воздвигнутый из стекла и бетона летом он накалялся, как сталелитейный цех. Его огромные окна, призванные сеять свет в просторных помещениях, никогда не открывались из-за прогнивших рам и не чистились, заросли паутиной и угрожали вывалиться, отчего корпус стал душным и темным, как русская парная. Зимой же напротив: все те же сплошные окна, с такими же огромными прорезами становились мишенью «семи ветров», и «содержимое» этого корпуса постоянно ощущало на себе их частое дуновение. Фронтальные стены тоже вели себя своевольно, поэтому все лестничные пролеты были помечены «флажками» и сцепками. Было бы не честно не упомянуть о сезоне дождей, который уподоблял последний этаж корпуса общественной душевой. В народе это здание прозвали «аквариумом».

Хочется пожелать нашему градостроительству прекрасных проектов, красивых домов и дворцов, которые уместно вписываются в архитектурный ансамбль города и оставляют свой след в истории, как памятники, но никогда не забывайте, что в этих проектах будут жить люди.

Войдя в фойе, наша путешественница поднялась на третий этаж по широкой лестнице с просторными пролетами и робко остановилась у двери песчаного цвета, над которой была надпись из трех букв... ОГК. «Уж послали, так послали. Отдел главного конструктора. Господи! Что я буду здесь делать! Я ведь метролог! И все мои знания в этой области – это полугодовой „факультативный“ курс», – Она открыла дверь, робко переступая порог и шаткой походкой пошла по пустому коридору к большой двери, с электронными часами, интуитивно надеясь, что именно здесь находится приемная ее нового начальника. Вдоль стены было большое количество дверей, а сама стена была стеклянной, выкрашенной краской именуемой «слоновая кость». Надо сказать, что все помещения данного корпуса были выкрашены этой краской: то ли другой больше не было, то ли много закупили? Краски хватило только на две трети стены, поэтому сверху она была почти прозрачной, и отдельные лучики света проходили с улицы и в этот коридор, создавая режим экономии электроэнергии.

Войдя в приемную, Аленка увидела маленькую женщину с темными мелкими кудрями, стоявшую за столом. Она перекладывала толстые папки с места на место. Тимофеевна быстро остановилась, привлеченная стуком незнакомых каблучков и резко, поверх очков, бросила взгляд на робкую девушку.

– Ты, х нам? – Не здороваясь, спросила Александра Тимофеевна, – Новенькая што ли? – Она тяжело вздохнула, как будто размещала всех новеньких на своей загородной даче, – Куды вас столько?

– Я, молодой специалист. Меня направили к вам из отдела кадров, – почти машинально произнесла Аленка, – Я приехала из Самары... – Она хотела еще что-то сказать.

– Как фамилия? – пронзительным голосом спросила она, крутя телефонный циферблат. И, не дожидаясь ответа, продолжила уже в трубку, – Х нам тут мылодой специалист. Куды ее?

– Петухова, – сдавленным голосом ответила она, – Не завод, а Москва – сортировочная, – мелькнуло в голове у девчонки.

– Поднимешься на четвертый этаж, и в шетыреста одиннадцатой сидит Хгольденбергх со своей хомандой. Тябе х нему.

Пока Аленка поднимается на следующий этаж, попробую ввести вас, дорогие читатели, в курс дела. Итак: в те времена конструкторское подразделение состояло из восьми отделов, последний из которых располагался на четвертом этаже. Подразделение весьма разрослось и как всякий переросток перестало уместаться в старых «штанах». А на новые «штаны» обычно нет денег, поэтому наш восьмой отдел был вынужден облюбовать себе последний поднебесный этаж. Чердачное помещение проектом не предусматривалось, поэтому он совмещал в себе и рабочее помещение и чердачное, со всеми вытекавшими отсюда последствиями, о которых говорилось немного раньше.

Наш восьмой отдел, о котором впоследствии пойдет речь, занимал две смежные комнаты, соединенные небольшим коридорчиком, который в народе прозвали предбанником. В одной комнате размещалась группа разработчиков схем, прозванных «схемщиками», а в другой – группа конструкторов, за глаза и в глаза все называли их «железячниками». Хочу немного объяснить, чем отличаются разработчики от конструкторов по железу. Физику в школе проходили все, поэтому примерно знаете, что такое резисторы, транзисторы, микросхемы и т. д. и т. п. Так вот: разработчики все это и т. д. и т. п. соединяют в схемы, надеясь, что они оживут. Железячники «прилаживают» их к платам, платы собирают в отдельные ящички, называемые корпусами, соединяют это все проводами и разъемами, надеясь, что это «сырье» будет работать. Сырье, потому что сырое. И требуется от трех до десяти лет, чтобы прибор отладить, настроить, исправить все «фонари» в схемах и конструкциях, и только тогда из «сырья» вырастает Аленький цветочек и начинает себя окупать и приносить прибыль.

Начальником восьмого отдела в то время был Гольденберг Феликс Абрамович. Это был человек лет сорока пяти. При росте в сто восемьдесят два сантиметра, и весе в сто пять кг, с копной белоснежных волос. Черный, немигающий взор, всегда пристально смотрел на собеседника, невольно залезая и под одежду и под кожу, пытаясь добраться до душонки... Это были не глаза, а рентгеновские лампы, поэтому некоторые подчиненные старались избегать не нужного облучения и не попадаться ему на глаза. От него всегда шло отрицательное поле, которое отбрасывало вас метра на полтора к стенке.

Ему было трудно возражать и страшно – не повиноваться. Женщины липли к нему, как блохи к четвероногому другу и поэтому долгие годы Феликс Абрамович оставался лучшим женихом отдела, пока, наконец, не женился... Это произошло совсем недавно, вследствие чего наш молодожен никак не мог привыкнуть к своему новому положению. Отчего стал излишне раздражителен и совершенно невыносим. Служивцы констатировали, что женитьба не пошла Феликсу на пользу.

Солнце ласково заглянуло за край стеллажей и уверенно бросило тонкий скользящий лучик. Он пробежал по коробкам, толстым подшивкам документов, засаленным шутилкам, трубкам, радиаторам, пыльным алюминиевым крышкам, коснулся края стола и заиграл на светлых кудрях Феликса. Он сощурился, отвернулся, хмуро глядя на стеллаж, бросил на стол ручку и она быстро покатила по рябой крышке отбивая мелкую дробь. Феликс откинулся на спинку кресла и снова бросил беглый взгляд на план работ, когда перед его глазами неожиданно возникла незнакомая блондинка со словами: «Здравствуйте. Я молодой специалист. Меня направили к вам», – почти умирающим голосом произнесла она и плюхнулась на стул, придвинутый к столу.

– А почему так поздно? Сейчас уже сентябрь, – традиционно начал разговор Феликс Абрамович, нахмутив и без того сдвинутые брови.

– Так ведь все равно же общежитие не дают. Живем в Красном уголке... (как морские свинки), – последнюю фразу Аленка не произнесла, но она об этом подумала.

– Ладно уж, пиши заявление и выходи на работу. Но сначала придется съездить в колхоз, – Феликс твердо посмотрел на девушку и постучал пальцем по столу.

«Да, – подумала Аленка: – «Прямо так и побегу за автобусом в своих новых австрийских туфельках, размахивая чемоданом и крича – Возьмите меня, возьмите!»

Глава 2

Перенесемся теперь из пыльного и душного аквариума в здание цвета манго, расположенного на улице Овраг подпольщиков тридцать четыре. Красный уголок разместился на первом этаже общежития. Три окна, расположенные в ряд, были завешены темно-бардовыми шторами. Пропитанные пылью и масляными пятнами, шторы приобрели иссиня – малиновые разводы, создавая в комнате таинственный полумрак. «Внутреннее убранство» состояло из двух раскладушек и одной железной кровати, выкрашенной масляной краской цвета индиго, стоявших строго в центре «уголка». Стены комнаты были расписаны под красные знамена всех пятнадцати республик, на знаменах проглядывали портреты Ильичей. Но самая главная стена была «озарена» желтым полукругом, из которого исходили шесть магистралей канареечного цвета, символизируя путь в прекрасное грядущее, намекая на то, что он у каждого свой. Над дорожками красный лозунг: «Все силы на борьбу за светлое будущее!» Мудрый девиз указывал на то, что за это самое будущее нужно еще побороться и очень сильно побороться, иначе оно не у всех будет светлым.

Девчонки сидели на кровати и три пары нежных ножек очень аппетитно поблескивали круглыми коленками. Ольга держала в руке помидор. Откусывала и почти не жуя, проглатывала. Красный сок проделал дорожку от уголка рта до подбородка и большими кляксами растекался на груди разноцветного халатика. Она торопилась, пока ее трапеза окончательно не превратилась в томатный сок. Светка встала с кровати, подошла к окну и взяла тугой сверток грязно – белого цвета.

– Кыш с моей кровати! Надо бы ее застелить, – девчонки быстро отскочили в сторону.

– А я на чем спать буду? – Произнесла Аленка грустно глядя на спутниц, – Вы хоть вдвоем ляжете, а я где?

– Где, где, в Катманде, – Сестры расхохотались.

– Нас пригрозили в колхоз отправить, как только выйдем. Надо потянуть время, – Олечка снова откусила, на этот раз испачкав нос, – Жрать хочу, сил нет.

– Да, пожалуй, не стоит сразу устраиваться на работу. Нужно немного пожить, ознакомиться с городом. Мне уже здесь начинает нравиться, – Сестренка уверенно накинула простынь на старый полосатый матрас.

– Да и Москва рядом, – как ни в чем небывало произнесла Аленка, усаживаясь на кровать Светы, – Мне сегодня Феликс Абрамович тоже угрожал, – Говорит, не жить тебе, Алена Владимировна, без «колхозу» ни днем ни ночью. У нас, говорит все молодые специалисты так ввод в специальность проходят, посвящение в конструктора.

– Прямо так и помчимся! Все вещи бросим на произвол судьбы! Пусть сначала комнату дадут, а то больно «шустрые». У нас в договоре сказано, что жилье предоставляется, – возмутилась Оля.

– У всех сказано в договоре, – Спокойно произнесла девушка, сидевшая на соседней раскладушке. Она сидела так низко, что девчонки невольно бросали на нее косые взгляды сверху вниз, – Привет. Меня зовут Аней, – Она виновато улыбнулась, – Я в Уреченске давно. Приехала после школы, – сделав паузу, продолжила, – Я сама из Казахстана. Окончила Электронный институт, решила здесь остаться.

– А тебя куда распределили? – поинтересовалась Леночка.

– В отдел главного конструктора, у меня ведь факультет конструирования.

– Значит мы теперь с тобой сослуживцы, – Аленка протянула руку, – Меня зовут Аленка, как шоколадку.

– Очень приятно, – грустно улыбнулась Анечка и пожала Ленкину ручку, – Завод несколько лет не выполняет план, поэтому «текучка» страшная. Живут, главным образом

за счет иногородних и молодых специалистов, которым предоставляют общежитие. Местные сюда редко идут. А общежитие у них отличное, на других заводах такого нет.

– Ты, хочешь сказать, что открепления нам не дадут, – не уверенно произнесла Аленка.

– Хорошо жить хотите, – Аня встала с раскладушки, чтобы уровнять взгляды, – Сначала помучайтесь, в колхоз съездите, на заводе поработайте, а потом, через три года, может и отпустят.

– Да, и уехать отсюда нельзя, и жилья нет. Вот дилемма, – загрустила Леночка.

Дверь с малиновым стеклом без стука отворилась, и грузная кастелянша протиснула свой правый бок в дверную расщелину, перекатываясь с одной ноги на другую, недовольно поморщилась и пропихнула в дверь толстую стопку свернутого постельного белья уже знакомого нам грязно – белого цвета.

– В тридцать пятой комнате освободилась двухместная кровать, хозяйка уехала в колхоз. Так, что можете вдвоем пока переселиться туда, временно там поживете, – она снова перевалилась с одной ноги на другую, качаясь, как неваляшка до самых дверей маленькой подсобки.

Девушки медленно тащили чемоданы вверх по лестнице, спотыкаясь и ругаясь на каждом пролете, высокие каблуки задевали за края ступенек, создавая дополнительные трудности. Они шли по длинному, темному коридору вглядываясь в номера комнат, прищуриваясь и подпрыгивая.

Современные риелторы описали бы это жилье, как отдельную квартиру в тридцать шесть квадратных метров, с жилой комнатой в восемнадцать метров, кухней в пять метров, совмещенным санузлом с сидячей ванной. Вершиной сервиса был стоячий балкон, шириною в дверной проем, а глубиною в тридцать см. Для наших измотанных девчонок это были райские кущи. У окна стояла разобранная кровать, на которую они сели и вытянули ноги.

– Ты как, жива? – Аленка протянула руку Ольге, – С новосельем тебя, Оля, – и она развалилась на кровати, глядя на потолок.

Стены комнаты были оклеены обоями с крупным выцветшим лилиями грязно-зеленого цвета. Кое-где обои растрескались, края отогнулись, обнажая красно-желтые гроздья. На стенах висели портреты индийских танцовщиц, календари с шампанским и японскими гейшами. Вдоль стен стояли четыре кровати со старыми деревянными потрескавшимися спинками шоколадного цвета. Большой деревянный шкаф с тремя отполированными створками стоял почти у самой двери, наполовину заслоняя проход. Дверки его немного провисли и отворились, он так и стоял с приоткрытым «ртом», из которого торчали разноцветные лоскутки и белоснежные стопки белья, высывались голенища сапог и торчали всевозможные пояса и косынки...

– Если это хорошее общежитие, то как должно выглядеть плохое? – Леночка поникла совсем.

– Ладно, дареному коню в зубы не глядят, – ободрила ее спутница, – Все лучше, чем в Катманде, – и снова засмеялась.

Утро коснулось штор и потревожило маленький пузатый будильник, отчего он качнулся и сразу же нервно подскочил, звонко затрещал, нарушая мертвую тишину. Оля протянула руку и, не открывая глаз, нажала на кнопку. Все стихло.

– Ленка, вставать будешь? – Ольга широко открыла рот и потянулась, – Я уже третий раз сегодня будильник завожу.

Аленка медленно открыла глаза и вопросительно посмотрела на соседку, лежавшую рядом, с наигранным укором произнесла:

– Как всякий честный человек ты просто обязана теперь на мне жениться.

– Да уж, – Оленька покачала головой, – Мы – не «хиппи». Мы – не «панки». Мы – «девчонки – лесбиянки».

– Да... На работу мы сегодня не пойдем, я так полагаю. Делать там нечего, – промолвила Ленка.

– Думаю, что уже не пойдем, – Оленька покачала головой, – Одиннадцатый час, – она села на кровати и машинально засунула ноги в тапочки, – Я полагаю, мы и завтра на работу не пойдем, – она потянулась, ворот сорочки раздвинулся, обнажая небольшую упругую грудь, – Надо бы позавтракать. У нас там еще домашние запасы остались. Сходим в магазин, еды какой-нибудь купить, так жрать хочется.

– Надо хлеба купить, а то наш хлеб плесенью покрылся. И погуляем по городу, делать-то все равно нечего, – Аленка потянулась рукой к стене и схватила кусок отвалившихся обоев. Он легко поддался, обнажая старую штукатурку. За обоями показались странные на вид крупинки. Они были ярко шафранового цвета и все время двигались. Аленка отбросила кусок обоев и брезгливо сморщилась, – Фу! Лелек, смотри, – она указала пальцем на дырку в стене, – Кажется это – клопы, – она снова поморщилась и провела рукою по телу, – Ты чешешься? Я вроде нет.

– Я, вроде тоже. Ха – ха. Мы им не по зубам. Карту города бы купить, а то потеряемся, – Олечка безразлично смотрела на тапочки, то сдвигая, то раздвигая ножки, – Я пока устраиваться на работу не собираюсь, может домой сбежим, – Она сощурилась и посмотрела на Аленку.

– Ты, вотще? Карта-то зачем? В Самаре не заблудились, а тут захочешь – не заблудишься! Все дороги ведут в Кремль! – Ленка энергично протянула ручку вперед, – Потеряемся – Разве что поставить целью, чтобы Феликс не нашел! Ха-ха.

Плотно позавтракав, дабы не тратить деньги на вредные здоровью пирожки, наши подруги решили пойти осмотреть местные достопримечательности. Купив за один рубль двадцать копеек наборы открыток с видами Уреченска, наши героини составили планы приобщения к местной цивилизации. Первой намеченной целью был центральный кремль, расположенный на главной улице города. Затем последовали: цирк, парк культуры, кукольный и драматический театры, ЦУМ и базар, где согласно протоколу они сделали фото три на четыре. В довершение ко всему они посетили юридическую консультацию, дабы узнать, как им отсюда «слинять». Получив совет специалиста за пять рублей, и изрядно промотав родительские деньги, наши горе-специалисты появились на заводе ровно через две недели, когда колхозная мобилизация уже закончилась.

Войдя в приемную Главного конструктора уже твердой походкой, Аленка увидела знакомую ей Александру Тимофеевну все в тех же темных завитках, которая все так же вопросительно глядела на нее, – Да, – подумалось Аленке, – ничего не меняется. Такое ощущение, что она так и стояла с открытым ртом две недели.

– Ты, мылодой специалист? – она прищурилась, – И худы жи тебе направили, в какой отдел? – бойко спросила секретарь.

– Не помню, – безразлично произнесла Аленка, плюхаясь на стул, – Помню, что фамилия начальника отдела заканчивалась на букву «г», – с убийственной наглостью промолвила она.

– Да нет у нас таких... – медленно размышляя, произнесла Тимофеевна, – Пулих, Дехман, Занхгерштейн, Вайнштейн, Гхольденбергх?

– О! – Аленка вытянула пальчик, – Точно к нему! – она задумалась совсем ненадолго, – А как к нему добраться, не подскажите? Не будите ли, так любезны.

– Это тебе на четвертый надо, – Тимофеевна указала на потолок, – Прямо над нами сидит, в шестыреста одиннадцатой.

– Точно вспомнила, спасибо, – Аленка направилась к выходу.

Феликс Абрамович сидел за столом, и все также смотрел на стеллаж, отмахиваясь от солнечных зайчиков, просачивающихся, сквозь дырявые шторы, когда перед его взором возникла уже знакомая ему молодая девушка, с вздернутым носиком и витками золотистых волос. Бледная, как луна, в таком же бледном платье и только синие глаза резали пыльный воздух, как лезвие. На этот раз взгляд его немного смягчился, и в уголках рта появилась приятная улыбка.

Может ведь, если захочет. Видимо он испугался, что рискует совсем не увидеть своего молодого специалиста, если не проявит положенного гостеприимства. Было несколько странным видеть этого сурового человека с белозубой улыбкой на лице, которая скорее напоминала тиски акулы, нежели обаятельного отца нации. Феликс решил пойти в обход.

– Отправки в колхоз, Вы, избежали, – мягко, с наигранной любезностью, начал Феликс, – Присаживайтесь, – указал он на стул.

Аленка положила документы ему на стол и смело села, пытаясь всеми силами спрятать робость в самые пятки. От этого огромного, с пронзительным взглядом человека теперь зависело ее будущее. Он внимательно рассмотрел ее диплом и стал неторопливо рассказывать о заводе, об отделе, о различных направлениях разработок. Ленке было очень интересно слушать, тем более что она понимала его только наполовину. На всю вторую половину она делала умное лицо и качала головой в такт его словам, так что получалось очень убедительно. Надо сказать, что умное лицо – не последний козырь в нашей биографии, я бы ввела этот предмет в школе. А так как наша специалистка была законченной отличницей, то у нее с умным лицом был полный порядок.

Итак: Феликс закончил тем, что предложил работу в конструкторском бюро, мотивируя свое предложение быстрым карьерным ростом женщин – конструкторов по сравнению с женщинами – разработчиками. Аленка согласилась с ним, понимая, что бабы – дуры. Посудите сами: если бы она сидела и дурачки улыбалась, вода глазами по часовой стрелке, разве бы дал он ей оклад в сто двадцать пять рублей – нет! Разве что в сто пятнадцать! А так на целых десять рублей больше, чем остальным молодым специалистам.

Появившись в отделе на следующее утро в платье цвета слоновой кости, застегнутом на молнию до самых белых волос, она была представлена своему непосредственному начальнику, Лизунову Тарасу Петровичу. Человек он был замечательный. Всегда бодренький, в хорошем расположении духа, казалось, что он светился изнутри, как стоваттная лампочка. Он был небольшого роста, щупленький, с редеющей головкой и добродушным лицом, к тому же Тарасик, как его за глаза прозвали женщины отдела, был очень энергичным. Он летал по отделу, как Карлсон по крышам, и это в его сорок с моторчиком! Тарас Петрович ласково улыбнулся, но Аленка, заметив хитрые морщинки в уголках его глаз, насторожилась. «Он не так прост, как хотел бы казаться. Нужно быть с ним настороже», – подумала про себя девушка.

Лизунов вывел Аленку в центр комнаты и лилейно произнес:

– Товарищи сотрудники, минутку внимания. Хочу представить вам нашего нового молодого специалиста, – обратился он к подчиненным. На голос начальника со всех сторон комнаты потекли люди. Вокруг Аленки образовался кружок из полутора десятка сорокалетних женщин, красивых и ухоженных. Она стояла и бессмысленно улыбалась, пытаясь хоть как-то очаровать будущих сотрудниц. Медленно, вдоль проходов между кульманами потянулись остальные члены коллектива. Несколько молодых девушек и трое мужчин.

– Это Петухова Алена Владимировна. Приехала к нам из Самары, – переключив свое внимание на женщину, сидевшую за ближайшим столом, он добавил, – Серафима Васильевна, а, Вы, будете у нее наставником. Так, что прошу любить и жаловать, – он снова растянул губы.

Аленке выделили желтый письменный стол, совершенно особенный. Ей никогда еще не приходилось сидеть, а главное работать на такой рухляди. Тарас Петрович собрал стол по ящикам, ручкам и ножкам. Набитой рукой прикрутил линейки к разобранному кульману. Он полдня трудился: подгоняя, подкручивая, подпиливая. Выбегал и вбегал в комнату постоянно что-то принося: то ящик, то линейку, то ручки, то ножки, то закручивал, то откручивал, то стучал молотком, то вымерял что-то уровнем. Потом он принес старый стул с разорванной по краям обивкой, поставил рядом со столом, повернулся к Аленке и торжественно произнес, указывая на стул:

– Прошу!

– Спасибо, Тарас Петрович, – Аленка села и немного оглядевшись, заметила рядом с собой ту самую женщину, которую ей определили в наставницы.

Серафима Васильевна поставила на стол стакан с чаем и приятно улыбнулась, глаза чуть-чуть заискрились и Аленка вдруг вспомнила маму, которая вот также улыбалась одними глазами, и всегда было непонятно, что скрывается в густой ночи этих карих глаз. Она придвинула стул и мотнула головой, приглашая Аленку сесть рядом.

– Приноси завтра чашку и тарелку – чай пить, – она снова глотнула и улыбнулась, – А то здесь за целый день от жажды умрешь, – Серафима засмеялась.

– А начальство не ругается? – Аленка подозрительно посмотрела на Тараса Петровича.

– Тарасик-то? – собеседница засмеялась как-то механически, затем резко перестала и посмотрела на Лену необыкновенно серьезно, – Скажешь тоже... Феликс иногда ругается, – она снова улыбнулась, – Так кто ж его слушает, – и она махнула рукой.

В молодости она была удивительно хороша собой и имела с ее слов много поклонников, но теперь: располневшая мало напоминала ту озорную кокетку, которой была когда-то. Ее добродушная улыбка невольно расположила Ленку к себе, и они быстро подружились. Теперь их часто можно было видеть вместе.

Серафима Васильевна рассказывала Аленке о заводе, о разработках, секретничала с ней про личную жизнь, учила ее своему мастерству. В первый же день Алена получила свое первое рабочее задание: разработать печатную плату для нового прибора. Она с рвением взялась за дело. Ей хотелось проявить себя, почувствовать задействованным винтиком в огромной производственной машине.

Умственный труд особенный, почти не примечательный на первый взгляд он требует много внимания, терпения и усидчивости... Приходится сидеть неподвижно целыми днями шевеля только ручкой и мозгами. Она переставляла нарисованные микросхемы и т. д. и т.п., пытаясь соединить их ножки проводниками. Аленка крутила эту плату, так усердно, что даже не заметила, как у нее засвербело то место, на которое падала основная нагрузка организма.

Конечно, проще было бы пойти в соседний отдел, где сидела Аня, познакомиться с новыми девчонками, проболтать с ними до конца рабочего дня, обсуждая ребят из цеха или из соседнего строительного техникума. Можно было бы вообще устроить экскурсию по заводу и сбегать к девчонкам в метрологию, имитируя кипучую деятельность. Короче, замыслов было много.

Но не такая была наша Аленка и зарплата в сто двадцать пять рублей не давала ей покоя. Ей хотелось доказать сослуживцам, что железный Феликс не зря выделил ее из общего числа молодых специалистов и разница в десять рублей возвышала ее в собственных глазах, и давала сотрудницам повод бросить завистливый взгляд в ее сторону, поставить под сомнение ее умственные способности и неоднозначно намекнуть на смазливые золотые кудряшки. Аленка натружено сидела, выгребая последние передовые мысли из своей мозговой коробочки так упорно, что плата сдалась и первый корявый эскиз уже красовался на столе к концу рабочей недели. Ее охватила такая бурная радость, что она была готова петь и танцевать, скакать на одной ножке, целоваться со всеми подряд и даже простить своим старым знакомым преднамеренное подсиживание теплого места, ибо никогда не знаешь, где ждет тебя счастье и что это такое вообще!

О, благословен тот день, когда Господь создал Землю. Благословен тот день, когда Творец создал человека и другую живую тварь под небесами и населил ими Землю. И трижды благословен тот день, когда Господь подарил человечеству Пятницу, ибо не что так не лечит нашу изнуренную трудовой неделей душу, как пятница. Ибо пятница есть – праздник души! Даже у Робинзона Крузо на необитаемом острове была Пятница...

Отработав свою первую неделю, Ленка уже строила планы культурного отдыха в честно заработанные выходные дни, когда вечером, в пятницу (нет, не тринадцатого), в конце рабочего дня в помещение вошел упитанный мужчина, невысоко роста с трубкой во рту.

Как сейчас помню: вся гадость в отделе случалась именно в пятницу и именно в конце рабочего дня – это неписанный закон «Кырр-пыррки» (так наши сотрудники прозвали завод «Красный пролетарий»).

Маленькие, глубоко посаженные глаза Вадима Дмитриевича почти не двигались, и казалось, что он пробуривает ими насквозь. Огромный, лысый лоб, говорил о том, что ума у него гораздо больше, чем роста. Надо сказать, что некоторым мужчинам этот дефицит волос явно идет, он придает им некоторую задумчивость, я бы даже сказала загадочность... Это был заместитель начальника восьмого отдела товарищ Горбатько. Он неторопливо прошел в центр комнаты, развернулся и, не вынимая трубку изо рта, пронзительным, гнусавым, не терпевшим возражения тенором объявил:

– В субботу и воскресенье всем в «Свекловод». Явка строго обязательна. Сбор в восемь тридцать на конечной остановке пятнадцатого автобуса.

– Это что, в принудительном порядке? – недоуменно прошептала Аленка рядом стоявшей женщине.

– Ты, чего бунтовать вздумала? – полушутливо ответила Константинова, статная женщина с пепельным каре, – Ты нам тут смуту не сей! – сказано тебе обя-заа-тель-но-о, – последнее слово она особенно выделила.

– За просто так? – Аленка отвернулась в сторону и шмыгнула носом, – За просто так сейчас можно заработать только грыжу.

– Почему просто так, – Константинова сильно задумалась, – За отгулы! Ничего с тобой не случится, не развалишься, подышишь свежим воздухом, займешься физкультурой, полюбишься нашими Уреченскими просторами, заодно соберешь морковь. Бог велел помогать ближнему... колхозу.

– Да, – кисло вато улыбнулась Аленка, – Только не всем. Полтора отгула и на всю жизнь радикулит.

– Какая ты пессимистка, Петухова, – Константинова ткнула ее в бок локтем.

Константинова рассмеялась и отошла. В этих ее словах чувствовалась какая-то безысходность и горечь. Она всегда смеялась. Трудно было представить ее унылой или рассерженной.

Глава 3

Аленка вышла во двор, смахнула остаток сна с длинных ресниц и подняла глаза к небу. Оно пахло на нее недовольным рассветным уныньем. Матовая пелена сковала звуки, просочилась сквозь открытые форточки, заглянула в пустые машины, неуютной ладошкой дотронулась до плеча случайного прохожего, и тот ускорил шаг... мгновенно повисла, наполняя воздух легким ароматом прохлады. Аленка бодро прошла безлюдный скверик, нырнула в темную пустую арку, свернула за угол и медленно приблизилась к покореженному навесу остановки...

Город резко оборвался, и ее глазам открылись бесконечные колхозные уголья, местами еще совсем зеленые от колосистой морковной ботвы. Проселочная дорога дерзко разрезала пейзаж и устремилась вдаль, пытаясь добежать до неба... Задернутое сизой шторкой оно облокотилось на поле, прижимаясь к горизонту все сильнее и сильнее.

– Привет Аленка, – она вздрогнула от легкого прикосновения чьей-то руки и обернулась.

Рядом стояла невысокая девушка в светло-розовой шапочке с пампушкой. Она улыбнулась, обнажая здоровые зубки и глаза цвета кофе, заискрились кокетством. Девушка взмахнула волосами, и они заблестели, как воронье крыло синим отливом.

– Ой, Ань, а я тебя совсем не узнала, – она быстро взяла знакомую под руку.

– Как тебе на новом месте? Ты совсем исчезла из виду.

– А нас поместили в тридцать пятую, временно. Даже не знаю, сколько это временно? – они шли по дороге, и весело разговаривали.

– Успокойся, – Аня снова погладила Аленку по плечу, – Я же говорила, что здесь текучка страшная, место освободится. К тому же девчонки замуж выходят.

– Они еще умудряются здесь замуж выходить? – Аленка почти повысила голос, – Неделю отработала – никого не встретила. Ребята здесь есть? – она недоуменно посмотрела на Анечку.

– Да, – Анечка покачала головой, – Это ты в точку попала. В отделе одно бабье... – она зло покачала головой, – Есть один, орел. Да и тот кружит по отделу и со своей орлиной высоты не замечает таких низких существ, как мы, – она скривила рот.

Девчонки оглянулись и встретились глазами с Феликсом. Он остановился на поле в больших резиновых сапогах, темной куртке, отчего стал казаться почти огромным:

– Выдернуть морковь и сложить в кучи! – прогремел он басом, – Приедет машина – погрузить! И можете идти домой... Как говорится: от забора и до обеда.

Неторопливо одевая две пары перчаток, Лена направилась к стоявшей неподалеку Серафиме Васильевне. Она все также улыбалась и хитро шурилась. Краешек солнца выглянул из-за белесых перьев облаков и ярко осветил поле. Серафима, по-детски покачивалась на коротеньких ножках, и что-то мурлыкала себе под нос. В кургузой темно-синей куртке наспех заштопанной, она напоминала героя первого отечественного триллера «Колобок», такого же круглого и такого же прыгучего. Красная шапочка кокетливо съехала на одно ухо.

– Бригада «Ух!» Работаю за двух, ем за троих, а сплю за семерых, – Серафима Васильевна засмеялась и принялась усердно выдергивать морковь.

Минут через тридцать наша бригада устала от непомерно тяжелого труда и решила «перекурить» оставшееся рабочее время. Серафима Васильевна сняла одну грязную от земли перчатку, наклонилась и стала водить рукой по малахитовой глади. Ботва вспенилась и оцетинилась, Серафима остановилась и в ту же секунду большая оранжевая морковь вынырнула из жирного чернозема. Затем она достала из кармана небольшой перочинный ножичек и принялась им очищать ее от комьев земли, равномерно обстругивая, начиная от зеленых перьев до самого кончика. Она так ловко орудовала ножом, что, в конце концов, морковь у нее получилась абсолютно чистая, без единого пятнышка. Закончив работу, она аккуратно откусила самый кончик. Затем, широко улыбнувшись, протянула Ленке нож.

– Чувствуется, что Вы специалист и в этом деле. Нутром чую, мне Вас не обогнать, – Аленка перехватила протянутый подарок.

– Дерзай студент, пока я жив, – Серафима снова засмеялась и стукнула себя рукою в грудь.

– А не опасно? – Лена указала на морковь и поморщилась, – Все ж не мытая – понос не прохватит?

– Да, ладно тебе. Придумаешь тоже, понос! – возмутилась Серафима, – Говорят, в ней полно гербицидов. Может правду говорят, а может и врут, – затем, немного помолчав, добавила, – Боятся, что мы у них весь урожай на корню съедем, – она рассмеялась, затем серьезно добавила, – Не знаю. Пока никто не пропоносил.

– Ладно уж, уговорили, попробую, – соблазнившись аппетитным хрустом, Аленка принялась осторожно скоблить грязь.

Она очень старалась не испачкать морковь, но особых навыков у нее не было, поэтому работа продвигалась крайне медленно.

– Вот было бы здорово, если бы изобрели машины, убирающие морковку! – восторженно добавила Ленка.

– Чего ради напрягаться то, когда полно инженеров, – смеясь, оборвала ее Серафима и посмотрела на нее в упор.

– И сколько мы тут будем работать? – Аленка протянула Серафиме нож.

– А до морковкиного загвонья, – рассмеялась Серафима, – Пока все не уберем, – и она показала рукою к горизонту, – Вот тебе и фронт работ. А ты думала какво это инженером быть. Думаешь все тебе картинку рисовать, в тепле сидеть.

– И, что, вы, так все время убираете урожай за колхозников? – Ленка несколько сникла и откусила хрустящий кусочек.

– Какие колхозники? Ты о чем? Скажешь тоже... От колхоза «Свекловод» осталось только правление, да три калеки в виде бухгалтерии. А, вы, что в институте не убирали поля?

– Только чуть-чуть, на первом и втором курсе, а потом – нет, – Алена растерянно смотрела на наставницу.

– А в школе? – Серафима снова принялась чистить морковь.

– А в школе я даже об этом не слышала. Первый раз я узнала про осенне-полевые работы в институте.

– Везет! Счастливое детство! А наших школьников посылают. У меня дочь Лида отработывала каждый год в летнем трудовом лагере. У нас все школьники поля убирают. Раз ты не работала, то придется тебе наверстывать упущенное время, приобретать, так сказать, рабочую сноровку, чтобы восполнить трудовой пробел! Какой инженер без навыков сбора урожая! Это не специалист, это – дилетант широкого профиля!

Конструктора почти всегда шутили. Они шутили над собой, над работой, подшучивали над любимым руководством, над направляющей политикой партии. Иногда было трудно разобрать, где они шутят, а где говорят серьезно. Эта их удивительная черта, была спровоцирована спецификой работы, наполненной неожиданностями и стрессовыми ситуациями.

Проработав на поле до часу, они решили, что рабочий день уже закончился и Серафима достала из кармана свернутый рулончик. Она развернула его и Аленка увидела авоську синего цвета. Серафима наклонилась и выбрала самую красивую морковь: ровную как указка.

– О, какая! – наставница торжественно поднесла ее к Ленкиному носу, – Каротель, самая сладкая морковь, – Серафима положила ее в сумку, снова наклонилась, выдергивая новую, новую...

Вернувшись в общежитие, Аленка чувствовала жуткую усталость: руки, ноги, даже голова все сковывало от ломоты и какой-то неприятной тяжести. От одной только мысли,

что завтра снова в поле она впадала в уныние. Однако, вспомнив о новых подругах, Аленка немного повеселела и направила свои ножки на второй этаж общежития, в комнату с номером двадцать два.

Дверь резко распахнулась, и Аленке пришлось отскочить в сторону, дабы не заработать дверью прямо лоб. Брюнетка среднего роста выпорхнула в коридор, едва не сбив нашу знакомую. Короткий разноцветный халатик свободно двигался по красивому телу, обрисовывая плотную грудь, и пара старых тапочек совсем не портила стройные ножки. Большие вишневые глаза смело глядели на собеседницу, а смуглая кожа и южный акцент выдавали Ростовские корни Иринки.

– Привет, к вам можно? – быстро спросила Аленка.

– Ох, а я хотела спросить: девушка, вам какго, а это ты. Без шапки и кхуртки тебя совсем не узнать. Такхая интересная стала, – на одном дыхании произнесла Иришка. Аленка прошла в комнату и заглянула в проем кухни, где маленькая Инночка с грубым широким ножом в руках стояла около плиты. Она осторожно поддела за край слипшиеся соломки картошки. Картошка недовольно заворчала продолжая лежать на самом дне большой черной сковороды с закопченными краями и большой деревянной ручкой. Инна снова поддела край, и он недовольно шипя, плюнул горячим маслом на коротенький зеленый фартучек, и большое масляное пятно растеклось по светлой ткани, сливаясь с другими. И все же край картошки отстал от дна и перевернулся, показывая золотисто-прозрачный бок.

– Есть будешь? – послышался за спиной голос Иришки, и она зашаркала тапочками по перекошенному полу, – Щас кхартошки нажарим. Пиво отличное, жигхулевское.

– Садись за стол, – добродушно, не дожидаясь ответа, тихо продолжила уже Инна, – У нас пиво есть и рыба, – она снова толкнула край картошки ножом, и ее черные кудрявые волосы спрятали красивое лицо с тонкими мягкими чертами.

Проучившись, пять лет в институте, Ленка так и не пристрастилась к этой горьковатой на вкус жидкости, поэтому сейчас сидела и давилась пенистым хмелем. Ей от природы «белой вороне» всегда хотелось слиться с окружающей средой, поскольку эта среда никому и никогда не прощала малейшего отрыва. Приведение к общему знаменателю всегда носило у нас массовый характер.

– У нас Иннкха уже целый месяц, кхак замужем, – Иринка жевала картошку и торопливо верещала, – Такх, что скхоро она тю-тю, уедет в Польшу, кх мужу.

– Да, – удивленно произнесла Аленка – А почему в Польшу? У тебя муж поляк?

– Не-ет! У нее муж – прапор, остался служить в Польше после армии. Он ей свадебное платье оттуда привез, все в кхружевах, таккое суперскхое, заглядение!

– А свадьба где была? – поинтересовалась Аленка, – Неужели вы в Ростов ездили?

– Здесь, – вставила в разговор слово Инна, – Столовую закхазывали, но народу мало было. Он ведь тоже из Ростова. Поэтому с егхо стороны пошти никхого не было.

– А твои родные приезжали? – Аленка положила вилку на стол и взяла толстостенный бокал, отпила маленький глоток и немного поморщилась, прикрывая рот ладонью.

– Родители и братья с сестрами: у нас в семье шестеро детей. Еле-еле всех по общежитию разместила. Девщонки из соседней кхомнаты в кхолхоз уехали, поэтому всю свою родню я затолкала в их кхомнату – по пять человек на кхровать. Кхак они там спали? А шут егхо знает, но вроде не жаловались.

– А платье у тебя красивое было? Оно здесь? Покажи! Так хочется посмотреть польское платье. Я никогда не видела импортных свадебных платьев! – попросила Аленка, от нетерпения подпрыгивая на стуле.

– Я егхо уже продала, – серьезно заявила Инночка, – Ольгхе из псяят пятой за сто восемьдесят рублей. Думаю, что не продешевила. Она в эту субботу замуж выходила. Ты должна была егхо видеть. У них еще машина стояла рядом с кхрыльцом.

– Кажется, я видела ее в твоём платье. Теперь я его вспомнила. Да! Красивое и воздушное! – с чувством перемешанной мечты и зависти произнесла Аленка, – Только ей оно было как козе жилетка! Она же высокая и толстая, а ты маленькая и худенькая, как дюймовочка! – Аленка расставила ладошки в разные стороны, имитируя размеры хозяйек платьев, – Как она в него влезла, корова! Она ведь пятидесятилетний, растянутый! А у тебя сорок второй с напуском! Да, та еще Золушка! Между нами девочками говоря: она в нем была, как гусеница в коконе. Похоже, что она его уже никому не продаст. А жаль, одна паутина от платья осталась, – загрустила Аленка.

– На мне-то оно отлично сидело – все по кхосточкам. Я в нем какх золушкха на балу была, вся егхо родня обалдела от счастья. Честно гховоря: кхакая разница, какх оно сидело на ней! Гхлавное: я его сбгахрила.

– Я, думаю, такую красоту ты в любом случае продала.

– Хочешь, я тебе свои свадебные фоткхи покхажу?

– Конечно, хочу.

Инночка поспешно встала, быстро бросив на стол вилку и обогнув край стола заторопилась проскальзывая в дверной проем. Иринка вскочила со стула и побежала за ней на ходу глотая плохо пережеванную картошку... Мягко провалившись в железную сетку Иринкиной кровати, девчонки перелистывали небольшой фотографический альбом с белыми корочками разрисованными снежными голубками, золотыми кольцами, кружевами и лентами. Инна, водила пальчиком по страницам:

– Это батя, а это Кхолькха, а это Сашкха, то есть Лешкха. Опять я спуталась... Кхогда мой брат родился, то мы назвали его Сашкхой... А мы живем на хуторе, и чтобы его записать надо ехать в Райцентр. А отцу нашему все лень да лень. Такх и протянули пока парню два гхода не стукнуло... Приходит какх-то наш батяня домой поддатой, радостный такхой, гховорит записал я вашего Сашкху и матери свидетельство о рождении подсовывает. Мать какх стояла, такх и села... Кхакхой гховорит он тебе Алекхсей, он же Алекхсандр, а батяня гховорит кхакхая разница: чель Сашкха, чель Лешкха... Один гховорит хрен! А маманькха говорит: «Хрен то один, а имени два!», – и кхах треснет батяню по башкхе схалхой, – «Пить меньше надо!» – гховорит. А парню-то уже два гхода стукнуло! Докхажу ему, че он теперь Лешкхой стал! До сих пор сами путаемся: чель он Сашкха, чель он Лешкха.

– И что так двумя именами называете? – переспросила Ленка.

– Когхда какх. Уж здоровый такхой, скхоро сам женится, – уточнила Инночка. Затем немного задумавшись, продолжила, – Надеюсь, он мне шо-нибудь опять привезет. У меня пальта нет. Ехать совсем не в чем, а скоро зима.

– Счастливая ты, Инка, уедешь, а мы тут останемся, – неторопливо произнесла Аленка.

– А, ты, можешь переехать на мое место, кхогхда я, уеду.

И потекли дни, как две капли воды похожие друг на друга, словно великий создатель включил гигантский копировальный станок, тиражируя события, меняя только даты и погоду. Где два рабочих дня на поле, там и десяток, а то и месяц... Дни пролетали незаметно, если не учитывать того, что люди трудились без выходных, и поэтому жутко уставали. Все свои вечера теперь Аленка проводила с новыми подругами, а все рабочее время они проводили втроем на поле. Девчонки обсуждали ребят, которых в отделе было не много. Странная штука жизнь: по статистике мальчиков рождается больше, чем девочек. В школе они еще есть, в ВУЗе – уже меньше, а дальше... Где они все? Некоторые тут напоминают, что в армии много. А из армии они приходят? Ах, да! Совсем забыла – Афганистан! В нашей стране хоть одно поколение пропустило вооруженный конфликт. Такое впечатление, что в генеральном штабе бог войны на полставки работает.

Итак: все мысли новой Аленкиной подругой Иринки были поглощены Антошей, одним из сотрудников конструкторского отдела. Никогда не видевшая ранее Антошу Ленка получила о нем полное представление. Теперь она знала, как он одевается, какую длину брюк носит, как ходит, к кому клеится и, что о нем сохнет половина девчонок ОГК.

– И че, ты, в нем нашла? – дразнила Инна Иринку, – Посмотри, кхакх он ходит. У негхо ногхи не разгхибаются, как ходули... Он какх пришел из армии, с тех пор такх и ходит, кхакх цапель по болоту.

– Как так. Не поняла? – переспросила Ленка, – У него что какая-то особая походка или он инвалид? – и она с любопытством поглядела на Иринку.

– Он служил в Кхремле. Поэтому ходит по заводу, какх солдаты на Кхрасной площади, ногхи под прямым ухлом, – и Инночка резко подняла ножку вверх, – Дрессировка скхазывается. Гховорят, что он первое время, когхда пришел из армии, еще хуже ходил. Ща не такх видно, – пояснила Инна.

– Ну и че. Потом пройдет. А мне даже нравится, такхой подтянутый, стройный и ходит тух, тух, тух... – и Иринка высоко подняла ногу вверх, с силой опустила ее на землю, затем подняла вверх другую, да так резко, что комья слипшейся грязи соскочили с резинового протектора сапога и полетели в разные стороны.

Она ходила по полю строевым шагом, разбрасывая в стороны чернозем.

– Вы совсем сбрендили, бегхаете за ним всем отделом, какх дуры стопроцентные, а он даже не смотрит в вашу сторону, чель ребят друггих нет, – заметила Инна.

– Тебе-то че! Кгаго гхрябет чужое гхоре! Вон, лучше зырь на своегхо Мишкху! Ты, у нас теперь отрезанный ломоть! – и Иринка зло оттолкнула подружку.

Подъехал самосвал качаясь на темных бороздах чернозема, как большой океанский лайнер и остановился немного просев в грязь передним колесом. За самосвалом узкой очередью неторопливо шагали несколько мужчин в промокших куртках. Иришка вытянула шею и нервно запрыгала на месте, прижимая локотки к талии и лихорадочно тряся ручками.

– Вон – мой пухпсих Антошенькха! – радостно вскрикнула она.

– Где? Где? – оборачиваясь назад, спросила любопытная Аленка, – Покажите, а то все уши прожужжали своим Антошенькой. Такое любопытство разбирает, сил нет.

– Да вон же он, вон в кхоричневой кхуртке, высокхий такхой. Сюда смотрит! У, ты, мой симпатусикх! – Иринка не удержалась от эмоций и стала причмокивать губками, разбрызгивая поцелуйчики.

Да! Мы женщины народ эмоциональный! Вот, скажем, посмотрел какой-нибудь мужчина в нашу сторону, так у нас сразу мысль родилась, что мы его сразили своей неземной красотой, а не потому что колготки «поехали» или шапку задом наперед одели. Так что взгляда вполне хватит, чтобы нам померещились свадебные кольца.

– Не вижу, – с досадой ответила Ленка, – Хотя, если честно, то мне по барабану.

– А что такх, – игриво спросила Иринка, – Мужчинами не интересуесси, – и она лукаво засмеялась.

– Почему это не интересуюсь, – Аленка стала оправдываться. Девчонки дружно расхохотались. Она смутилась и настойчиво продолжила, стараясь не замечать неприятного хохота, – Просто у меня в Самаре остался парень, Вовчиком зовут. Мы с ним переписываемся.

– Ой! Любовь – морковь, лямур-абажур, – не унималась Иринка.

– Да, мы недавно познакомились, – Ленка все оправдывалась, – Он мне пишет письма в эпистолярном жанре. Кто знает: может это – моя судьба!

Дни стояли ласковые, безветренные, подобно легкому перышку, но всему наступает конец, наступил конец и бабьему лету... погода неожиданно испортилась. Погода всегда портится неожиданно. Хотя, если смотреть по календарю, то вроде бы уже и положено... Налле-

тел сильный, холодный ветер, принес с собой мелкий, морозящий дождь, который скользил по одежде и пробирался под пологи курток, затекал в сапоги. Воздух пропитался сыростью, а носы – влагой. Промокшее солнце сникло и укрылось в свинцовой перине, и теперь замерзшее небо застегнулось на все пуговицы. Проселочная дорога под сотней ног, неустанно месивших ее целыми днями, превратилась в жидкий кулеш. Ноги, облепленные вязкой жижей напоминали гусеницы трактора «Т-700» и оторвать их от дороги не представлялось никакой возможности, поэтому приходилось скользить по ней как на лыжах. Работать стало совсем невыносимо. Уставшие, промокшие, замерзшие люди большую часть времени теперь стояли, собравшись в кучки, и прячась, друг за друга от ветра.

– Классный у тебя плащик, – дрожащим голосом заметила Аленка, – Болоньевый. У моей мамы тоже такой где-то в огороде висел на пугале, ...кажется еще косынка была, – «Надо будет раздеть пугало и забрать», – думала Ленка: «На следующий год пригодится. Ох, как сейчас хорошо бы мне в нем было и косынку надо забрать тоже». Надо сказать, что, находясь посреди поля под дождем и шквалистым ветром, меньше всего думаешь о высокой моде...

– Я тоже сначала в одной польскхой кхуртке ходила, выпендривалась, – заметила Инна, – А потом надоело и привезла ЕГХО летом из дому, после отпуска. Думаю: че такхая хорошая вещь пропадать будет. Кхрасоты кхонечно никхакхой, зато тепло! – Инночка поежилась от восторга и закружилась на месте.

Подошла Серафима Васильевна. Красная шапочка когда-то подернутая набок, теперь плотно сидела на голове наглухо пришпиленная косынкой из целлофанового пакета. И плечи, и живот Серафимы были плотно упакованы в прозрачный полиэтилен.

– Серафима Васильевна, вы прям, как рождественский подарок, вся в целлофане, – заулыбалась Аленка, – Вам еще бантик на живот, и можно класть под елочку.

– Точно: на страшилу из Изумрудногхо гхорода похожи, – засмеялась Инна.

– Зависть, между прочим – плохое чувство, – Серафима шмыгнула носом, – Посмотри лучше на нашего Тарасика, – и она указала на невысокого «красноармейца», обутого в черные хромовые сапоги и завернутого в плащ-палатку. Он важно расхаживал по полю большими равномерными шагами.

– А Тараса Петровича просто не узнать, – Аленка покачала головой, – Как ему идет этот плащик! Ему бы еще автомат за спину, и был бы полный комплект, – девчонки снова засмеялись, – Да, в таком виде на снегу спать можно...

Частые порывы ветра пронизывали насквозь уже промокшую одежду. Битва за урожай заблокировалась. Если верить стороннему наблюдателю, то картина напоминала полотно «Французы под Москвой».

Глава 4

Пролетел сентябрь, как ветреный, шаловливый малыш, забрызгав весь город дождем и слякотью. За ним уже старший брат октябрь постучался в двери домов, клубов, больниц, высыпал на дороги всю листву и теперь тонкие сучья деревьев впивались в огромный тюк серой ваты. Мгновенно окрасил дома, тротуары, скверы в цвет утреннего тумана и промокшей паутины. Все стало бледным, недовольным, угрюмым. Дворовые собаки, прячась под крыльцо дома, вывозились в серой жиже слякоти. Грязь высохла, взъерепенилась и застыла, превращая дворняжек в жуткие кошмары.

Бесцеремонный ноябрь прервал мучения наших героев, и одним прекрасным осенним утром конструкторский отдел зажужжал, как старый улей, наполнился свежим ветром перемен, гулом включенных приборов, криком сотрудников, хохотом молодых людей, хлопаньем дверей и стуком каблучков. И потекли размеренные рабочие будни Аленки с дежурствами по чайнику, регулярными посиделками с сотрудницами, с чаепитиями с той лишь разницей, что к ним теперь прибавилось посещение соседних отделов.

Дверь шумно закрылась за спиной Петуховой, притянутая большой железной пружиной, невольно подталкивая ее в комнату. Она остановилась на пороге незнакомого отдела, прищурилась и обвела помещение глазами. Хочу немного предупредить читателя. Почти все наши героини шурились из-за близорукости, а контактные линзы в те времена еще не получили достаточного распространения. Ходить в очках промышленного производства для наших дам было низко, поэтому они либо прищуривались, либо оттягивали верхнее веко в бок. Она поморщила носик, и снова забегали ее глазки от одного стеллажа до другого, пока не остановились на маленькой темноволосой девушке с длинными волосами, скрывавшими лицо, оставляя только нос с легкой горбинкой. Аленка радостно вздохнула и уверенно пошла вперед, не сводя глаз со своей цели. Большой зал, заставленный столами, стеллажами, металлическими стойками с приборами, на которых нервно подергивались стрелки, светились крупные цифры, утыканные различными кнопками, разъемами, ручками. За столами сидели мужчины неподвижно глядя на стрелки или что-то записывали на листах бумаги, некоторые водили паяльником по «слепышам». Аленка на мгновение оробела, но справившись с застенчивостью осторожно проскользнула между столами и гибко как кошка присела на стул рядом с Аней.

– Смотри, какая красивая девушка! Прямо, как статуэтка! – Сергей аккуратно положил паяльник на подставку, вытер руки о грязную салфетку и провел растопыренными пальцами по каштановой кудрявой челке, пытаясь ее взъерошить. Прижал виски ладошками, не сводя глаз с девчонок.

– Я ее еще на поле заметил. Интересно: кто она? На наших не похожа. Наверное, приезжая. Очередной молодой специалист, – Антон тоже положил паяльник в гнездо и вытер руки об салфетку, – Освоение новых регионов. Из Казахстана что – ли? Теперь их две. Мне, чур, блондинку.

Большой зал шестого отдела был полностью заставлен рядами столов, смежено соприкасавшихся друг с другом. За столами стояло оборудование, стеллажи, полки с книгами и документами, на которых стояли горшки с цветами. Бледно-зеленая листва, покрытая пылью, картинками звезд кино призывали создавать в отделе располагающую к работе обстановку или хотя бы смягчать боль после нахлобучки руководства. Своих соседей старались выбирать осторожно, ибо проводить по девять часов к ряду с человеком, который тебе не симпатичен, все равно, что попасть в карцер, или на гауптвахту. Сергей с Антоном были приятелями, Старшему из них Сергею было около тридцати. Высокий, широкоплечий, мужественный, у него был только один недостаток – он был женат. С Антоном все по-другому. Представьте себе молодого человека в районе двадцати пяти лет. Кожа цвета спелого персика, пристальный оливковый

взгляд и белозубая улыбка. Косая сажень в плечах и это при его росте в шесть футов и одном дюйме. Любой парень почувствует себя принцем. К тому же за плечами радиотехнический институт, служба в армии в войсках госбезопасности, перспектива сделать карьеру. Короче я таких красавцев даже на ТВ не видела. Надо признать, что в жизни их больше, чем в телевизоре, наверное, экран искажает. А теперь подумайте: кем он себя может чувствовать в этом застойном девичьем болоте, где одних лягушек перевалило уже за две дюжины. Правильно! Только центром вселенной и ни меньше! Прибавьте самые главные достоинства советского мужчины: отказ от спиртного и табака. Да при таких совершенствах мужчина совсем не обязан ухаживать за дамами, ему бы успеть отмахнуться.

– Знаешь, брюнетка у меня уже есть, – Сергей беззвучно ощерился, – Дома.

– Две брюнетки тоже не плохо, особенно если учесть, что они находятся в разных местах. Мария и Анна... чтобы не перепутать советую тебе про имена забыть и придумать что-нибудь универсальное, например «Любимая» и все, без комментариев.

– А на будущее, советую тебе обойтись без универсального, поскольку слово «Любимая» требует финансовых вложений.

– А ты жук! Бедная Мария Егоровна, если бы она знала, какому пройдохе сердце отдает, думаю, она предпочла бы Ваську. Как он тогда за ней ухаживал... – предположил Антон.

– Машка – не стенка, может и подвинуться, – Сергей небрежно засмеялся, – Ладно, не дрейфь, шутка. Я свою Марию ни на кого не променяю.

– Шутник. Лучше подумай о друге. Сам пристроился, дай другим.

– Что, носки самому стирать надоело, – Коростылев снова засмеялся, – Что-то я сомневаюсь, что ей это по силам. Уж больно она на принцессу похожа. – Серж посмотрел на Аленку.

– А зря! Нет в тебе веры в чудо! – Антон саркастически ухмыльнулся, – Любовь может творить чудеса, и под платьем принцессы окажется замарашка золушка!

– Не знаю, не знаю... – Коростылев решил подразнить Антона, – По-моему, жена должна быть крепкой, работающей, что б и за детьми присмотрела и борщ сварила. А эта – конечно красивая, но больно уж хрупкая, как китайская ваза в музее, на которой висит табличка: «Руками не трогать». Или балерина, а на них можно только смотреть... с хозяйством не справится. Я думаю, в жены не годится, разве что в любовницы.

– Вот ты куда клонишь, кабель. Все-таки бедная Мария Егоровна. Значит согласно твоей идеологии: жениться нужно на одной, а спать с другой.

– Почему бы и нет. На свете столько женщин, что «свет клином» на одной ни сошелся.

– Может и сошелся, – Антон задумчиво смотрел на девушку. Потом встрепенулся и небрежно произнес, – Если тебе по барабану Мария Егоровна, то подумай о детях.

– Жестко! Знаешь ты на чем поддеть, – Сергей многозначно потряс головой, – Ты не как влюбился! Ты даешь! Осторожней надо с молодыми специалистами, сколько их тут было? И где они теперь? А Машка осталась.

Пока мужчины беседуют без вреда для карьеры и премиального вознаграждения, наша героиня, исчерпав, отведенные ей пятнадцать минут, ибо только такое количество времени можно было прослоняться по заводу, пока тебя не хватились в отделе, торопливо бежит по лестнице, вверх перепрыгивая через две ступеньки. Устремимся вслед за ней на четвертый этаж.

Перенесемся в наш восьмой отдел, где Серафима Васильевна уже в который раз поставила чашку на стол и упорно перемальвала острыми зубами домашний бутерброд. Она снова подняла бокал, сделала отрывистый глоток и опять зажевала, когда к ней подседа Аленка.

– Серафима Васильевна, – Ленка умоляюще посмотрела на наставницу, – Может плату проверим? Ой, так неохота. Самое гадкое в нашей работе – это проверка плат.

– То ли еще будет, – Серафима саркастически засмеялась, – Это не самое страшное. Концерт начнется, когда ты свои чертежи с технологами начнешь согласовывать, а потом в цехе

запустят опытную партию... Вот где набегаешься! Поверь мне – это только начало. Хотя: если честно, то я тоже не люблю проверять платы... Ладно пошли на сдиралку.

Они встали и неторопливо пошли в угол комнаты, где на самом почетном месте в отделе стояло сооружение, издали напоминавшее теплицу. Представьте себе оконную раму, лежавшую под углом пятнадцать градусов, на четырех ножках, наподобие стола, выкрашенную белой краской грязно-желтого цвета. Под прозрачной крышкой стола горели люминесцентные лампы. Главная достопримечательность местного прогресса называлась «сдиралкой».

– Знаешь, Аленка, я ведь не всегда здесь работала, – Серафима Васильевна нажала на кнопку сбоку. Сдиралка загудела и, с легким потрескиванием, загорелись несколько ламп. Серафима сжала кулачок и резко ударила им по боковой стенке, затем снова и снова. Стол подпрыгнул, – Вечно она заедает, – Конструкция загудела и вспыхнула, глаза заломило от яркого света.

– А где, вы, раньше работали? – Аленка разложила на стекле плату и схему.

– Раньше я работала в КБ «Спектр». Мы там спецуху (спец. Техника) разрабатывали для оборонки. Там такие требования, такие разработки! Не то, что здесь!

– А как вас сюда занесло? Вам там не нравилось?

– Мне там все нравилось. Но жизнь такая штука, что всегда чего-то не хватает. Одним словом бес попутал, Феликс переманил. Наобещал хорошие премии, но когда я пришла на завод, так премии сразу же прекратились... Судьба, – Серафима грустно заулыбалась, – Да! После «Спектра» я была в ужасе от уровня производства. Завод выпускал радиаторы различной конфигурации и габаритов с пятьдесят седьмого года и вдруг решили наладить выпуск приборной продукции: ни соответствующего оборудования, ни технологии, ни специалистов! Если бы ты знала через что пришлось пройти! Сейчас, хоть купили «Волну» для автоматической пайки печатных плат, а то ведь все платы паялись вручную! На коленках приборы собирали, все с нуля начинали.

– Да! И это когда космические корабли бороздят просторы вселенной! – съязвила Ленка.

– Ленка! Не смейся! Видишь какие приборы стали выпускать!

– Самые большие приборы в мире! – засмеялась Ленка, – Не знаю, не знаю, Серафима Васильевна. Вот у нас практика в Тольятти проходила. Мы целых два месяца на ВАЗе были! Вот – это завод! Сто сорок тысяч человек работает. Цехи автоматы и полуавтоматы. В цехе чистота и ни одного человека не видно. Все только: тюк, тюк, тюк. Само отливается и в ящики – падает.

– Еще скажи, что само запаковывается, и само транспортируется, – Серафима заулыбалась.

– А почему план мы не выполняем? – Аленка водила по листам карандашом.

– Здесь еще хитрее. Видишь ли, у нас план по валу спускается в тонах. Госплану все равно, что мы тут делаем: микропусенькие приборы или компрессоры для укладки асфальта, поэтому нашу продукцию все нормальные заводы отказываются делать. Слишком малогабаритные и малотоннажные! Представляешь сколько надо сделать приборов, чтобы выполнить план! А у нас одних наименований полторы тысячи! Приборы почти что поштучные, одним словом: ручная работа, да и только! Гораздо проще сделать какой-нибудь станок, комбайн, или тот же компрессор для укладки асфальта. А если учесть, что мы делаем уровнемеры почти на все, то представляешь, сколько у нас исполнений: морское, тропическое, я уже не говорю, про общепром., рассчитанный на разную температуру. Приборы стоят копейки, так как сама понимаешь – вещь малогабаритная, металла на нее идет мало – значит стоит тоже мало, поэтому денег на модернизацию производства у нас нет и в долг нам никто не дает, а государству на нас чихать с высокой колокольни... А приборы стране нужны, так как опять же: кроме нас, их никто не делает. И с балласта мы их снять не можем и план выполнить не можем. Вот так и живем: сами разрабатываем и сами изготавливаем. Одним словом – болото.

– Понятно: премий нет, потому что план не выполняем, а план не выполняем, потому что оборудование старое, а оборудование старое, потому что денег – нет, а денег – нет, потому что план не выполняем! А раньше ведь премии были?

– Что ты хочешь: прежде директором завода был Демин. А он мужик деловой! Завод гремел на весь город. Здесь были самые большие премии. А Демин здесь дневал и ночевал, но план делал: работали в три смены. А потом его перевели на отстающее предприятие, чтобы его поднять, а сюда прислали Утюгова Генриха Сигизмундовича. И теперь уже отстающее предприятие гремит на весь город, как победитель соцсоревнования и лучшее предприятие приборостроения. А наш завод сидит в такой непролазной трясине, что выбраться отсюда нет никаких возможностей. Да! Сидим теперь в заднице отечественного приборостроения.

– А почему его не снимут, если мы план не выполняем? – наивно спросила Ленка.

Серафима безнадежно махнула рукой.

– Ты, скажешь! Его снять! – Серафима покрутила пальцем у виска, – Говорят, у него «там» в Госплане, – Серафима показала на потолок и многозначительно покачала головой, – «Волосатая лапа», – в полголоса произнесла она, – Так, что снять его никак нельзя, он – номенклатура! Его перебрасывают с одного предприятия на другой, как балласт. Раньше он на Керамике директором был, – Серафима тяжело вздохнула, – Теперь вот мы мучаемся.

– Понятно! И, что мы так и не вылезем из этого болота? Неужели так ничего больше и не светит? Неужели на заводе больше никаких модернизаций не было после этой «допотопной» «Волны»?

– Хватит тебе о грустном, – Серафима улыбнулась, – У вас в вашем голодном Поволжье, небось, в магазинах одни пустые полки продавались!

– Что верно, то верно. Заводов много, народа много, заработные платы хорошие, а следовательно денег много, а кушать мало, – Аленка улыбнулась. У меня мама каждую субботу на базар за мясом ходила. Оно у нас по семь рублей за кило.

– Какой ужас. А у нас, зато колбаса есть и мясо. И мясо по два двадцать в магазине, – Серафима Васильевна подняла белесые бровки и покачала головой.

– Нет у вас никакой колбасы и мяса, я была в ваших магазинах. Вы тут тоже пустыми полками торгуете, – Петухова насупилась.

– В Москву надо ездить, вот где продуктов много. Я в те выходные с дочерью ездила. И колбасы купила и мяса и сосиски останкинские, и Лидочке новое платье, – Серафима подняла большой палец вверх, – Вот такое!

К соседнему столу подошел Лизунов и снял телефонную трубку. Покрутив пальцем циферблат, Тарасик положил руку на пояс и развернулся к стене.

– Это профком? Здравствуйте Галина Михайловна, – Тарасик лилейно заулыбался и закачал головой, – Угу, угу..., – он весь превратился в большой елочный шарик, ослепляя наших трудяг, – Вас беспокоит Лизунов Тарас Петрович. До нас дошли слухи, что у нашего директора новая любовница. Это правда? А как же Таисия Михайловна? – немного подождав и наигранно вздохнув, он продолжил, – А то уж мы расстроились за Таисию Михайловну, – довольный ответом Лизунов отошел к соседнему столу, за которым сидела парторг отдела Галина Николаевна Шишкина.

– Ой, Галина Николаевна, – начал Тарасик наигранно расстроенным голоском, – В профком звонил. Представляете, какая неприятная новость: у нашего Генриха Сигизмундовича новая любовница, говорят, что директор шестой городской аптеки. Я сейчас звонил в профком, наведалься у Галины Михайловны об этом. Она мне сказала, что все это в прошлом. Они уже помирились с Таисией Михайловной, а директоршу из шестой аптеки он бросил.

– Кто такая Таисия Михайловна? – шепотом спросила Аленка.

– Любовница нашего директора и по совместительству главный экономист завода, – мягко улыбнувшись, тихо, по заговорщицки промолвила Серафима, прижимая голову

к стеклу, – Она у него в любовницах со старшей группы детского сада. Он от нее периодически бегают к другим любовницам, но потом снова возвращается, – Серафима махнула рукой, – А, старая история. Правда, говорят, что у него этих любовниц по городу, как... – она мотнула головой и что-то скороговоркой выпалила, – Штук пять или шесть.

– Не директор, а сексуальный маньяк, – Аленка возмутилась.

– Гаремы – привилегия начальства. На то она и власть, чтоб ей злоупотреблять, – Серафима тяжело вздохнула, – Будешь руководством, тоже заведешь себе сераль.

– Похоже, что жизнь заводских «звезд» принадлежит народу, – засмеялась Ленка.

Они сидели и разговаривали, когда дверь открылась настежь, и на пороге с трубкой в руках появился Горбатько. Медленно оглядев комнату, он направился вдоль прохода.

– У, хрен моржовый, – неожиданно произнесла Серафима, – Вечно только ходит и курит, ходит и курит, а ты работай за него. Тот прибор, что мы с тобою делаем, между прочим – его «рацуха» (рацпредложение). Мы делаем, а он – денежки получит. А нам – шиш! – и Серафима скрутила под столом дулю.

По мере приближения Вадима Дмитриевича к столу, губы Серафимы начинали растягиваться в стороны, бровки поползли на лоб... и в тот момент, когда он поравнялся с ними, ослепительная улыбка уже заиграла на лице, как отполированная нержавейка.

– Серафима Васильевна, Вы уже «печать» сделали? Там все проходит? – надменно пробубнил он, не вынимая изо рта трубку.

– Да. Вадим Дмитриевич, – Серафима засветилась еще сильнее, – Алена уже сделала, – услужливо ответила она, и вся как-то запереливалась, демонстрируя зубы не хуже, чем у Анджелы Девис, – А как ваши детки? Как сынок учится? В каком он сейчас классе?

– Сын – моя гордость! – надменно начал Горбатько, получивший за глаза прозвище «Горбатый», – Закончил шестой. Он ведь у меня моделированием занимается. Все соревнования выигрывает. Прошлый раз в Туле особый приз от ЦК ВЛКСМ выиграла всей своей командой, – он снова затянулся и пробубнил, – Тогда отдавайте технологам «печать», пусть «фотооригинал» сделают. И в цех, – с этими словами он так же медленно удалился.

В комнату неожиданно вбежала Александра Тимофеевна и прокричала: «Во дворе заводууправления стоит хвтобус с хлюрогграфией. Всем пройти хлюрогграфию в течение трех дней», – снова исчезла в дверях.

Через несколько минут дверь опять открылась и через небольшую щель, оставленную между створками пролезла голова Иринки. Она прищурилась и оглядела комнату, затем, остановив свой взгляд на Аленке, крикнула: «Ленкха, пошли на хлюрогграфию. Мы тебя ждем в кхоридоре».

Солнце повисло на ветках и по-осеннему разбросало озорные зайчики по клумбам, на которых торчали тонкие засохшие былинки выпцветших флоксов. Тонкими лучиками пробежалось по скамейкам с ободранной краской, дорожкам с пожухлой листвой, яркими бликами заиграло в окнах, растревожило стайку воробьев, бойко чирикающих, на соседней скамейке. Заводской скверик неожиданно ожил, радуясь последним погожим денькам. Белый автофургон с прицепом с плотно задвинутыми занавесками стоял на заводской площади, осажженный плотным кольцом заводчан, которое бурлило, весело урчало, нарушая привычный заводской гул громким смехом.

– Слухай сюды, девчонкхи, мы пойдем вшестером, а у вас шестым будет Антон, – Иринка засмеялась, указывая на Анечку.

– Еще чего! Лучше пусть он с вами идет, заодно и Витю возьмите, а то стоит на отшибе, как бедный родственник, – перебила ее Танечка.

– Давайте, мы сделаем один гхрупповой снимокх, что за зря пленкху тратить, – рассмеялась Инна, – А тебе, Иринкха, надо с Антоном вдвоем идти. Сделаете семейный снимокх, че теряешьси. Может мне егхо спросить?

– Не, Инкха, все-таки ты с головой не дружишь, – Иришка резко потрясла голову и посмотрела на обидчицу с укором.

– Все смеетесь и смеетесь, а с подругой меня не познакомите, – подойдя поближе, промолвил он.

Девчонки мгновенно затихли и теперь стояли и робко переглядывались. Раньше всех опомнилась Иринка. Она подскочила к Антону, положив руки на бедра и заглянула ему прямо в глаза.

– А зачем тебе это надо? – она хитро прищурила глаза.

– Хочу познакомиться с новой девушкой. Не удобно общаться с человеком, не зная его имени, – не сдавался Антон.

– Вы, на него погляньте, какхой прыткий нашелся. Общаца ему надо. Тебе уже нас мало стало, – не унималась Иринка.

– Нет, вас мне очень много, – улыбнулся Антон, – Так, вы мне не сказали, как ее зовут?

– Алена, – не решительно произнесла наша героиня, совершенно смущенная этим спором.

– Антон. Ну, вот и познакомились, – решительно сказал он, больше не проронил ни слова и отошел в сторону.

Всю дорогу обратно Аленка, молча, шла, вспоминая эту реплику. Ее новый знакомый заставил затрепетать ее маленькое сердечко, и оно защемило, всколыхнулось и треснуло, причиняя приятную боль. Она чувствовала, что нравится ему, и это приводило ее в неопиcуемый восторг. Аленка шла по аллее трудовой славы, носками туфелек поддевая несносную стружку, походка сбивалась, когда она проваливалась в дырявый асфальт, а она перебирала ножками часто-часто, пытаясь не отстать от подружек. Девчонки щебетали, как воробьи на скамейке, а ее мысли уносили в другую сторону: куда-то за облака, за звезды... Девушка повернула голову и столкнулась взглядом с Иришкой, рассеянная улыбка сползла с лица Аленки, как маска. Она вдруг почувствовала, что раскололось не только ее сердечко, но и их дружба и невольно похолодела...

Вы скажите, вот: опять любовный треугольник. А вот и не угадали! Это отечественная суровая действительность! Треугольники чертят только за бугром, а в нашей отчизне более сложные фигуры, поскольку мы и сами сложнее сложного. Так вот представьте себе многоугольник, я бы даже сказала многогранник, граней этак на двадцать, тридцать...

Глава 5

Конструкторский отдел существует с самого начала создания завода, и традиций в нем поднакопилось. Одной из любимых традиций отдела были различные переезды. Время от времени в нем все начинали переставлять: соединять или разделять бюро, переводить в другие отделы людей, менять направления промышленных разработок. В общем: все движется вперед, все бурлит, не желая даже приостановиться. Последней идеей руководства восьмого отдела была очередная перестановка кадров и перевод бюро Маршакова из конструкторской комнаты, где размещались почти все женщины в соседний кабинет, где работали одни мужчины. Переезд длился полгода.. из-за того, что, в четыреста одиннадцатой сидел любимый Гольденберг, и наши квалифицированные специалисты не спешили работать с ним бок о бок. Первым переехал Маршаков, стремясь, подать пример подчиненным, затем, уцелевшие в его бюро, две женщины, давая понять, что ничего в этом страшного нет. Переезд же оставшейся группы мужчин затянулся на месяцы.

Аленка встала из-за стола, взяла небольшую чашечку с тонкими фарфоровыми стенками и направилась между столами. Она медленно шла и вздыхала, качая чашку, как маятник. Дойдя до последнего кульмана, она остановилась и наклонилась над столом, прогнув спину и вытянув вперед руки. Ленка облокотилась на стол, все также раскачивая уже в ладонях чашку и повернув голову почти столкнулась лицом с Любочкой. Красивые вьющимися каштановыми волосы Любы падали на лицо, оставляя только очки. Она оторвала взгляд от лежащего на столе чертежа.

– Слышь, Люб, – Аленка подперла щеку ладонью, – Не хочешь чаю попить? А то что-то работать надоело, уже чертики перед глазами.

– Давай попьем, – Любочка отодвинула чертеж и опустила руку в последний ящик стола, доставая пузатый бокал с синими разводами и немного отбитой ручкой, – Мы выпить чаю всегда рады, нас уговаривать не надо, просить и напоминать тоже.

Аленка с готовностью поставила свою чашку рядом и придвинула к Любочке маленькую баночку.

– У тебя хлеб есть? – Аленка присела на стул и поглядела в проем между досками на входную дверь.

– Что это, ты принесла? – Люба покрутила баночку в руках и с интересом прочитала, – Детское питание. Говядина, – она повернула голову в сторону и обратилась к Константиновой, – Слышь, Люд, дай консервный нож.

Девчонки намазывали бутерброды, когда зазвонил местный телефон (местным телефоном в отделе называли внутреннюю заводскую телефонную связь).

– Можно пригласить Маршакова к телефону, – послышалось в трубке.

– Вы знаете, он весь вышел, – вежливо произнесла Люба – А, что ему передать?

– Передайте ему пять рублей, которые я ему должен, – голос невозмутимо оборвался, перейдя в монотонные гудки.

Она смеялась и смеялась и не могла остановиться, а крошки хлеба все летели и летели, падая на чертежи, комплекты документов, телефон... Входная дверь с силой закрылась, сотрясая стену, и на пороге показался высокий, представительный мужчина сорока двух лет с черной наброшенной на глаза челкой прикрывающей очки. Девчонки мгновенно прильнули к заветной щели между кульманами.

– ЛЮБОВЬ! – громко произнес он, чеканя каждую букву. Он всегда как-то особенно произносил ее имя, вкладывая в него явный подтекст, – Что тебя так развеселило? Тебя даже в коридоре слышно! Поделись со мной радостью, и она умножится на двоих, – он медленно шел вдоль прохода, чеканя не только каждую букву, но и каждый шаг. Темно-синий костюм,

в мелкую полоску, раздвинулся в стороны, и рубашка натянулась на плотном животе. Олег заложил руки в карманы брюк и развел локти в стороны.

– Ой, Олег Павлович, вечно Вы со своими шуточками. Вам звонили, просили передать пять рублей, которые должны, – смеясь ответила Люба.

– Так, отдай мои пять рублей. Я жду! – невозмутимо добавил он.

– Вот еще, чего придумали, – смеясь, произнесла Люба, – Для меня пять рублей – деньги!

– Ладно, будем считать, что ты мне должна эту сумму, когда будут ДЕНЬГИ отдашь, я подожду, я терпеливый, – спокойно произнес Олег Павлович и отошел к своему оставшемуся коллективу.

– Что архаровцы, вы думаете переселяться? – обратился он к Понкратову.

– Олег, может, мы здесь лучше останемся, – произнес Сережа, невысокий упитанный мужчина безнадежным голосом, – Все равно там места – мало. А мы здесь посидим, кому мы мешаем.

– С вами все ясно: вам там места мало... Худеть надо! Понкратов, – задумчиво произнес Маршаков, – Гольденберг так не думает. Он уверен, что в его присутствии производительность вашего труда непременно возрастет. И вы таки доработаете этот злосчастный блок питания для «ЭРС-у три».

– Нечего вам тут сидеть, в женском коллективе, переселяйтесь в соседнюю комнату к ребятам. А то сидите здесь и чужие разговоры слушаете. Делать вам нечего, – неожиданно вступила в разговор Константинова, стоявшая рядом со столом Любы, – Переезжайте, переезжайте, – улыбаясь, добавила она.

Завидев Константинову, Олег Павлович развернулся и снова направился вдоль прохода.

– Людмила Станиславовна! – восторженно произнес он, забыв об архаровцах, – Вы, как всегда очаровательны! Гхляжу я на нибо, дай думку гхадаю, чему я ни сокил, чему не лэгаю, – и он наклонился к ней, нашептывая что-то на ушко. Константинова громко рассмеялась.

– Нечего им тут делать, – уже обращаясь к девчонкам, продолжила она, – Им там, видите ли, с Феликсом работать не охота. Надо выставить их отсюда. А то: ни поправиться, ни накраситься, ни волосы завить.

– Надоели, хуже керосину. Вечно от них спиртом воняет, – Любочка возмутилась.

– Это ни от нас спиртом воняет, а от наших плат, – поправил ее Гайкин, – Мы спирт по платам распыляем тонким слоем, – он набрал в рот какую-то жидкость из банки и дунул, – Вот так. По инструкции положено.

– ЛЮБОВЬ! – Олег снова поглядел на Любочку, – Ты, все калории потребляешь, – Смотри, разнесет тебя, как заводской котел в том году. До сих пор отремонтировать не могут. Как зимой обогревать завод будут одним котлом?...Кстати о котлах, – он повернул голову к Людмиле, – Как там обстоят дела с «ФЭУ»? Комплекующие все пришли?

– Да вроде все нормально, – Людмила Станиславовна подняла брови вверх и удивленно посмотрела на Маршакова, – А что? Что-то случилось?

Олег вынул руку из кармана брюк и занес ее над головой. Затем сморщился и почесал макушку, от чего волосы на голове взъерепенились, очки съехали на лоб. Он медленно опустил руку, поправил очки и снова положил ее в карман пиджака, затем отодвинул ногу в сторону и нехотя произнес:

– Машина приехала из Астрахани, рефрижератор, – он снова почесал затылок, – Им ФЭУ нужны, позарез... Умоляют, просят, «наличку» привезли. Говорят, хоть сколько-нибудь дайте приборов, – он снова положил руку в карман, – Если бы мы работали при капитализме: мы либо разорились, либо озолотились, а тут! – и он махнул рукой, уходя вдоль прохода между кульманами.

Людмила Станиславовна снова повернула голову и неторопливо обвела глазами вышеупомянутую тройцу. Оставшиеся члены бюро представляли собой весьма странный альянс.

Кроме Понкратова, здесь еще находились двое: низенький и толстенький Витя Гайкин и Анатолий Петрович Лапша, который требует особого внимания. Толя был просто уникалом. Высокого роста, на вид – лет сорок пять, ему всегда было сорок пять, он словно замерз на этом возрасте... Вместо волос у Толи торчали в разные стороны спутанные, засаленные пряди, напоминающая моток ржавой проволоки. Костюм, никогда не выдавший утюга, с разорванными швами на рукавах, брюках, и карманах из которых торчало нижнее белье, самого смелого цвета. Все замечания по этому поводу Петрович игнорировал, и сотрудники отстали от него, безнадежно махнув рукой. Ребята по этому поводу шутили, говоря, что Толя такой после ОРЗ. Что означало: Очень Резко Завязал, после очередного запоя. Да так резко прекратил излишнее возлияние спиртного, что у него не выдержала соображалка, и она куда-то завернулась. Нет, на работу его хватало, но дальше ни-ни. Вследствие чего бомжовый вид у него сохранился, как напоминание о бурной молодости.

Девчонки грустно смотрели на мужчин, не замечая как к столу подошла шатенка среднего роста в красивом платье темно-кирпичного цвета. Она прижалась плечом к кульману и как-то жалобно посмотрела на Аленку. Светлана Владимировна Николаева была неотразима. Ее темные волосы рыжеватого оттенка были красиво уложены. Смуглая кожа, карие глаза и пухлый, яркий ротик. Светка была почти неземной красоты. Она ласково улыбнулась и слегка, дотронувшись до Ленкиного плеча, спросила.

– Будешь с нами играть в дни рождения?

– Буду – уверенно произнесла Аленка – А что это такое?

– Тогда я тебя запишу. Скажи дату своего дня рождения, – и она положила на стол памятную тетрадь в бледно-голубой обложке.

– Третьего июня.

Светлана наклонилась над столом и стала выводить буквы и цифры красивым подчерком.

– Мы сбрасываемся по пять рублей на каждый день рождения, и дарим подарок, или отдаем деньгами. Кому, как нравится, – мягко произнесла она, – А почему у тебя такое странное имя?

– Я родилась в «Аленин день», в этот день на Руси раньше лен сеяли, и моя бабушка настояла, если меня Аленкой не назовут, то она со мной нянчиться не будет. Родителям пришлось согласиться. У меня с тех пор полно проблем с моим именем. Кто Ленкой называет, кто Аллой.

– Следующий день рождения у нас, у Зиночки, так что, давай, пять рублей – закончила она.

Глава 6

Антон сидел за столом и осторожно водил паяльником по макету новой печатной платы. Со дня его знакомства с Аленкой уже прошло несколько дней, а она так и не появилась в отделе, и это настораживало и пугало. За время его работы на заводе, а это без малого лет пять, он впервые видел девушку, которая так странно себя вела, более того Алена его избегала. А это уж никуда не годилось, ибо окончательно подрывало сложившийся авторитет Воронцова в его же собственных глазах, и теперь он сидел в своем рабочем кресле, безнадежно устремив взгляд на входную дверь.

Жесткие дверные пружины растянулись. Антон вытянул шею и замер с паяльником в руке, и только легкая ниточка дыма медленно направилась к потолку с грязно-рыжими разводами. Глаза Антона остановились и впились в вошедшую девушку. Она прищурилась и оглядела помещение, медленно продвигаясь вдоль столов, совершенно не обращая внимания на пару светлых глаз прикованных к ее хрупкой персоне, подошла к Анечке и села. Антон все сидел с паяльником в руке, пытаясь поймать ее взгляд. Но, тщетно. Его сердце нервически затикало, как счетчик в таксомоторе, лихорадочно отсчитывая секунды. Он торопливо стал перебирать все возможные варианты, чтобы завязать разговор. Воронцов вспомнил все кинофильмы, литературу, советы друзей и специалистов. Ничего не лезло в голову. Не скажешь ведь: «Эй, девушка!»

Она неторопливо встала и отодвинула ногой стул, который противно скрипнул, пропуская ее вперед, опустила глаза и, пытаясь что-то рассмотреть на плитусах, медленно шла вдоль прохода глубоко погруженная в самое себя, причем так глубоко, что чей-то прозвучавший рядом голос, показался ей ударом с небес. Она встрепенулась и в один миг очнулась от своих значительных раздумий, остановилась, пытаясь глазами отыскать нарушителя своего спокойствия.

– Привет. Проходишь мимо и даже не здороваешься. Нет, чтобы подойти, поговорить. А то все с Аней, да с Аней, – с ходу начал он разговор.

– Ой, – Аленка нежно улыбнулась и смущенно опустила глазки, – Привет. Извини, я тебя не заметила. У вас так заставлено помещение, что тебя из-за стойки не видно, – робко начала она. Да! Если женщина Вас не видит, значит у нее что-то со зрением. Будь, Вы, скажем, размером со слона, то она примет вас за шкаф, а ежели, вы будете поменьше слона, то она примет вас за стойку.

– А у кого ты работаешь? – Антон положил на стол паяльник, встал и подошел к ней.

– У Гольденберга, в восьмом, – пролепетала она, неловко пятясь в сторону.

– Значит, сидишь на четвертом, в четыреста одиннадцатой? – Антон сложил руки на груди.

– Нет. У Лизунова Тараса Петровича, в четыреста двенадцатой. Заходи в гости. Пока, пока, а то я исчерпала лимит безделья. Меня, наверное, Лизунов уже собаками разыскивает по заводу, – и с этими словами она легко, как лань исчезла в дверном проеме.

Не что так не распыляет мужчину, как женская неприступность, даже если она и показная. Вот сейчас она поговорила с ним, такая вежливая, холодная, непонятная, не сказала: ни нет, ни да, но оставила в сердце слабую надежду, и она как маленький, но такой настырный росток стала прорастать в нем, сильными корнями уверенно цепляясь за каждый едва заметный повод.

Аленка поднималась по ступенькам и медленно размышляла: «Похоже, он действительно положил на меня глаз, а как же Вовчик?» – ее всю словно перевернуло. Она остановилась, посмотрела на дверь, словно за ней кто-то прятался, глубоко вздохнула и снова занесла ногу на ступень: «Антон – такая лапонька!» – Аленка опять вздохнула: «И Вовчик – лапонька...» –

она грустно покачала головой, и сердце снова забилося: «Интересно знать, как отреагирует Иринка, если узнает про Антона: голову она мне сразу оторвет, или не сразу?» – Аленка медленно поднялась еще на одну ступень: «Нет, надо скрывать от нее, как можно дольше, а то – секир башка...» – она остановилась и посмотрела вниз между лестниц. Оторвавшаяся штука-турка соскользнула со ступени и устремилась в глубину лестничной шахты, рассыпаясь на мелкие бесчисленные пылинки и исчезая в таинственном сумраке подвала, откуда доносилось монотонное рычание станков. Сердечко снова защемило: «И вообще, какое ей дело – он ведь ничей!» – и она решительно зашагала вверх по лестнице.

Аленка открыла дверь и наткнулась на тесное сборище сослуживцев, которые в одночасье заполнили правый угол кабинета. Легкий смех перемежался с веселыми криками. Зиночка прищурилась и, метнув острый взгляд, довольно заулыбалась. Она стояла и крутилась вокруг своей оси, как это делают все дети, когда их поощряют, или поздравляют. Вся она была словно тоненькая тростиночка: хрупкая и гибкая, грациозная и подвижная. Темные волосы струями падали на плечи, а дальше! О! Это надо было видеть! На ней было платье цвета перебродившего вина, которое все сияло и переливалось, как новогодний серпантин: с какими-то рюшками, пражками, бантами, защипками и ультрамодным декольте.

Лизунов осторожно взял Зиночку за локоть и вывел в центр комнаты, как именинный пирог. Его лицо снова засветилось. Он обвел глазами комнату и растянул губы:

– Зинаида Васильевна! – Тарасик почти закричал, – В этот праздничный день, разреши тебя поздравить с Днем рождения! Пожелать тебе здоровья, счастья, чтобы ты оставалась такой же красивой... – во время этой поздравительной речи Лизунов потихоньку приблизился к Зиночке вплотную и наклонился к ее щеке. Он встал на цыпочки и вытянул как гусак свою короткую шею. Глаза Тараса Петровича тоже приподнялись и как-то неестественно выпучились, приобретая форму бильярдных шаров, намереваясь запрыгнуть в «лузу» Зиночкиного декольте, – Всегда будь веселой и прими это от нас! – он впихнул Зинке в руки небольшую коробочку и лилейно заулыбался. Народ загудел и захлопал в ладоши, требуя дополнительного поздравления. Тарасик опустил глаза и снова приблизился к Зине. Он приподнялся на цыпочки, снова вытянул шею и чмокнул ее в щеку. Зинка засмушалась, а сослуживцы одобритительно захлопали и заулюлюкали.

– Большое спасибо, товарищи! – выкрикнула Зиночка и засветилась не меньше Лизунова, – А сейчас давайте пить кофе. Прошу всех к столу, – Зина вытянула руку вперед по направлению прохода, – Я привезла из Москвы торт «Птичье молоко». Девчонки разрежьте его.

– Кто сегодня дежурный по «чайнику»? Воду принесли? – спросила Людмила Станиславовна. Это выражение «дежурный по чайнику», некогда появившееся в отделе, как шутка, прочно вошло в общий словарный запас, и теперь к нему относились вполне серьезно. Составлялся список дежурных, который приклеивался с обратной стороны кульмана, согласно которому каждое утро две сотрудницы приносили в отдел ведро воды литров на восемь и ставили электрический чайник.

– Ой, Зиночка, – заискивающе начала разговор Людмила Станиславовна, – Балуеть ты нас все же. Каждый год привозишь торт «Птичье молоко». Где ты его берешь? Сама ведь могла бы съесть такую вкуснятину. Все-таки дефицит.

– Бог велел делиться, Людмила Станиславовна, – Зиночка засмеялась, – Где беру, где беру, – она неожиданно стала серьезной, – В Елисеевском в очереди стояла, в Москве беру!

– Зиночка, какое у тебя красивое платье, – заметила Люба, – Ты заказывала его, или готовое брала?

– В Москве покупала. Целый час в очереди в «Московском» стояла. Сто восемьдесят рублей отдала! Всю зарплату! Сестра еще добавляла, – гордо заявила Зиночка, – Оно японское!

– Да, Зиночка, мы тут все обзавидовались, – смеясь, добавила Константинова.

– Людмила Станиславовна, теперь «Я» буду самой модной женщиной отдела! – рассмеявшись, добавила виновница торжества.

– И декольте у тебя какое... модное, – Светлана Владимировна хитро прищурилась и покачала головой, – Лизунов уже успел оценить, – Светлана засмеялась.

– Да, уж, замечательный человек наш Лизунов, – Зиночка потрясла головой, – Все замечает... Полюбовался моей впалой грудью, и что он там нашел, не пойму? – Зиночка отвела рукой декольте и посмотрела внутрь.

Перенесемся теперь в здание заводоуправления. Большое фойе на втором этаже обито деревянными рейками. Вдоль стен стоят длинные черные диваны с металлическими поручнями, на которых сидят люди и монотонный шепоток чередуется с визгливыми криками, исходящими из другой комнаты. В приемной директора завода всегда многолюдно. Рядом с окном стоит большой стол, на котором расположился большой черный телефон с массивным циферблатом и огромными белыми кнопками. За столом сидит секретарь. Дверь отворилась, пропуская вперед Феликса. Он грузно наклонился вперед и переступил порог. Багровый румянец окрасил лицо, шею и даже ладони сильных больших рук. Он остановился на мгновение, медленно обвел зал глазами. В неожиданно наступившей тишине было слышно, как большая стрелка настенных часов шумно перепрыгивает с одной кочки на другую. Феликс сжал руками документы, сдвинул брови и огромными шагами направился к выходу.

Он летел по аллее трудовой славы, как мессешмидт, а в голове все крутился крик Генриха Сигизмудовича:

– Мне нужны люди на сборке! Приборы для Астрахани делать некому! – Генрих всегда визжал, он даже не кричал, а повышал голос до такой высоты, что он переходил сначала в крик, потом в контральто, а потом в визг, уподобляясь визгу токарного станка.

– Астрахань по плану только в январе, а сейчас ноябрь! – Гольденберг нахмурился и стиснул зубы, – Подождут. Сейчас главное запустить «Корунды».

– Что сейчас главное решаю Я, а не Ты! Машины пришли, люди, что три месяца должны ждать! – Генрих побагровел, – Им приборы позарез нужны! Объект запустить не могут!

– Где я возьму людей! – Феликс тоже повысил голос, – У меня что: кузница кадров! – Феликс бросил документы на стол и энергично поднялся, – У меня и так на настройке приборов в четвертом – три человека! – Феликс растопырил пальцы, – Люди месяцами из колхоза не вылезают! А у нас, между прочим, и своя работа есть! – он заложил руки за спину, – У меня и так некому отлаживать датчики: один Петрович сидит, а ребята в цехе. Люди не выходных, не праздников не видят!

– А ты, Феликс Абрамович, напрягись, поройся в запасниках. Может кого и найдешь! Организуй третью смену! Можно и в выходные за отгулы поработать! – Утюгов вышел из-за стола и подошел к стоявшему в углу шкафу с прозрачными дверками. Он открыл одну и достал большую серую папку с потрепанными тряпичными завязками, вынул лист бумаги и неторопливо подошел к Феликсу.

– Вот, читай, – он протянул ему бумагу, – Видишь постановление обкома партии!

Феликс впился глазами в исписанный лист и быстро побагровел до самых кончиков волос.

– Где я возьму столько людей! – он схватил бумаги со стола и направился к выходу, – А твоих отгулов у моих людей! – и он махнул рукой по горлу, – Как комаров на даче. Только когда их отгуливать, мы не знаем!

– Придется напрячься Феликс Абрамович! – крикнул вдогонку Утюгов.

– Рожать мне их что ли? – пробурчал на ходу Гольденберг.

Феликс в один миг пролетел три этажа «аквариума», ногой толкнул дверь. Она резко отворилась, грохнула о стенку, стена задрожала, и мелкие крошки штукатурки посыпались

на пиджак Феликса. Дверь робко замерла, пропуская тучную фигуру Гольденберга. Он снова наклонился вперед, и медленно переступая порог, обвел глазами комнату. Мгновенно воцарившаяся тишина пахнула на Феликса недобрым знаком.

– Феликс, Феликс, Феликс, – зашипели стены комнаты.

– «Опять чай пьют!» – пронеслось в его голове.

Он неторопливо переваливался с одной ноги на другую, враждебно обводя глазами кабинет, который в этот миг уже ожил, зашевелился и легкий женский шепоток долетел до ушей шефа. Феликс остановился в середине комнаты и хмуро поглядел на пустые кульманы, за которыми притаился народ.

– Завтра весь отдел на уборку капусты в «Свекловод»! На один день! – громко произнес он.

Народ, сидевший за кульманами, недовольно загудел. Феликс снова обвел кабинет глазами и твердо произнес:

– Я сказал на один день! Значит на один день! – повторил раздраженный Гольденберг и, сверкнув глазами, удалился.

Глава 7

Тихое, грустное утро затянулось пенкой тумана и нежно покоилось на серых струнах проводов, скрывая пустые поля и прозрачные перелески. Голые ветви осторожно надрезали белесую дымку, выворачивая нутро загадочной невидимки проглотившей город. Кое-где, словно разноцветные флажки, желтоватыми пятнами виднелись еще не упавшие листья. Легкий морозец сковал лужи, но разрисованная гладь местами треснула и грязная слякоть проклюнулась наружу, пачкая нежную хрустальную пленку. Дорога, ранее такая вязкая, сейчас промерзла и стала похожа на рифленое полотно, к которому прилипал, остывший на морозе протектор сапог. Холодный, морозный воздух слегка щекотал ноздри, и ледящей волной залезал в карманы, сапоги, за воротник.

Феликс развернулся и оглядел неподвижно столпившихся сослуживцев. Легкая дрема конструкторского отдела коснулась и его. Он зевнул, но не как обычно, а широко открывая рот, оставляя губы почти сомкнутыми, неторопливо прикрывая рот тыльной стороной ладони, отвернулся и поглядел назад – туда, где белесая завеса касалась серых многоэтажек.

– Мужчины рубят капусту! – он снова зевнул, – Ножи возьмете у Пулиха, – Феликс поежился и вытянул руку в сторону, указывая на невысокого плотного мужчину в серой телогрейке, – Женщины носят капусту и складывают в кучи! Все понятно?! – он заложил руки за спину, – В полдень приедет машина. Погрузите машину и можете идти домой! Капусту не брать! – последнюю фразу Феликс выкрикнул и угрожающе сдвинул брови.

Они трудились, не покладая рук, как муравьи: мужчины дружно рубили капусту, а женщины складывали в кучи. Аленка тоже втянулась и неторопливо передвигалась по полю с большими тугими кочанами капусты. Наконец она остановилась, подняла руку и отерла рукавом куртки мокрый нос, медленно посмотрела по сторонам, и ее взгляд неожиданно остановился на высоком, крепком мужчине в штормовке защитного цвета. По щебеночной меловой шапке волос Аленка узнала «железного» Феликса. Наш «дровосек» одним взмахом руки отсекал вилок, подкидывал его вверх как воздушный шарик, бросая прямо в капустную кучу. Он почти не останавливался, а Ленка все наблюдала за этой удивительной игрой. Казалось, что он один может убрать огромное, покрытое белыми капустными головками, поле.

Секунды переходили в минуты, минуты в часы... и вот уже старый, разбитый «ЗИЛ» подъехал к первой кучке зеленовато-белой капусты.

– Девчонкхи! – Иринка оглянулась и снова выкрикнула, – Девчонкхи! Окружай машину!

Она подняла плотный вилок капусты и с силой бросила его вверх, пытаясь докинуть до железного борта. Кочан развернулся и полетел, разбрасывая крошки земли и пожухлые листья.

– Девчонкхи, давай устроим кхонкхурс: кхто точнее попадет за борт, – предложила Иринка.

– Иш чегхо удумала! Кхорячсья тут за просто такх! Я стараться не буду: если попаду, то попаду, а если нет, то и шут с этой кхапустой, – ответила Инна.

– Никакой сознательности у тебя Инка нет, а еще комсомолка, – вступилась Танечка.

– Раз, вы, такхие сознательные, то и вкхальвайте, кхакх Папа Кхарло, а я на вас отсюда погхляжу, – и Инна отошла немного в сторону, – Мне все – равно в Польшу ехать.

– Ленкха! Че гхглазами хлопаешь, кхакх сова? Спорим, че не попадешь, – стала дразниться Иринка.

– Иринка отстань! Я не такая сильная, как ты, – Аленка сощурилась, – У меня с метанием ядра в школе проблемы были. А ты если хочешь, то трудись: Бог тебе в помощь! – ответила Ленка.

– Все-таки девкхи: никхакхой кхаши с вами не сварись! – обиделась Иринка.

Вдруг, из-за машины, вынырнул белый кочан, за ним – другой, третий... капуста, летела как пулеметная очередь: снова и снова. Девчонки с визгом разбежались в разные стороны.

Иногда человек впадает в состояние нервнопаралитического оцепенения. Время словно замедляется. Окружающий ландшафт перестает притягивать взор и отвлекать нас от внутренних проблем. Человек как бы погружается в самого себя. Миг превращается в бесконечность, бесконечность в бескрайность, бескрайность в меланхолию. Зинка глядела на небо, потом на пустое поле, разглядывала убегающий вдаль перелесок, стаю облаков пересекающую немую долину, когда один из летевших вилок отделился от потока, и с силой ударил Зинку по голове, затем подпрыгнул на полметра вверх, и рухнул у ее ног.

– А! А! А! – разнеслось по всей окрестности. Народ мгновенно замер, – А-а-а!

Она стояла и хлопала глазами, которые ничего не выражали, затем схватила себя за голову. Ее взгляд стал лихорадочно метаться по лицам, капусте, грузовику, и по мере просветления ее сознания медленно опускался к собственным ногам. Зинка тупо смотрела на вилок, потом перекинула взгляд на грузовик, из-за которого летел капустный вихрь, потом она снова посмотрела на вилок и быстрыми шагами направилась к другому борту машины. Зинка подлетела к высокой плотной женщине, с волевым лицом, которая, в этот момент снова направила белый качан за борт грузовика. Зиночка открыла рот, набрала воздух в легкие и на одном дыхании проверещала:

– Ты, что Куркова, сдурела что ли? Смотри куда кидаешь! Ты нас там забомбила совсем. Силищи-то немерено! Тебе велели капусту в машину кидать или перекидывать? Может, мы тебе мешаем? Может нам всем уйти? Ты одна погрузишь самосвал? – Зиночка положила руки на пояс и снизу вверх посмотрела угрожающе на свою обидчицу.

Куркова меланхолично посмотрела на вилок, затем перевела взгляд на Зинку, потом снова на вилок.

– А что? – Куркова опять посмотрела на Зинку, – Я вроде нормально кидаю.

– Нормально! – Зинка потрясла в воздухе кулачком, – Нормально! И это называется нормально! Смотри, какая шишка! Вот! – Зинка повернула голову к Курковой, поднялась на цыпочки и постучала пальчиком по затылку, – Тебе тут что?! Атака белогвардейцев? Строчит, как Анка пулеметчица, а там, между прочим! – Зинка указала рукою за борт машины, – «Наши»! А не враги! – Зинка многозначительно посмотрела на Куркову, – Еще раз так кинешь! – и Зинка затрясла кулачками, – Мы тебя одну оставим машину грузить!

Самосвал загудел, зафыркал, затрясся, развернулся и медленно, прокручивая колеса, поплелся с поля. Серафима Васильевна достала уже знакомую авоську синего цвета, подошла к маленькой кучке капусты, оставленной для себя, любимой. Сослуживцы собрались в кружок, обсуждая, как вынести с поля урожай.

– Мимо поста ГАИ идти нельзя, – сказала Константинова, – Там нас точно поджидают. Помните, в том году милиция с собаками стояла.

– Да, уж! Целый взвод, – встрял в разговор Горошкин, – А где же нам идти? У кого какие размышления по этому поводу? – маленький, худенький, постоянно сгорбленный Горошкин, был начальником бюро в восьмом отделе. Бюро разрабатывало и внедряло пневматические приборы. Долгие годы Горошкин бережно охранял накопленный багаж знаний и опыт, неся бремя одиночки. Он работал почти один, бережно отстраняя вверенных ему подчиненных сотрудников от работы, поручая им самые не квалифицированные задачи.

– Надо попробовать через лесок, вон там, – указывая рукой в противоположную от города сторону, предложила Светлана Владимировна, – В обход.

– Это ж километров десять, – присвистнула Зиночка, – А потом на параллельную дорогу, а по ней и до города, – поддержала их Зиночка, – для бешеной собаки, семь верст не крюк.

– А там точно дорога есть? – переспросил Горошкин.

– В том году была, – Светлана Владимировна бодро взяла сетки и возглавила колонну, – Пошли, не оставлять же капусту на поле.

Утренний туман давно растаял, как сигаретный дым и теперь солнце ныряло в пуховые подушки облаков, лукаво подмигивая нашим сотрудникам. Узкая дымка перелеска торчала среди безграничных далей, как китайская стена. Над головой бесконечное небо, оно такое же бесконечное, как и сотни, и тысячи лет назад. Мы умрем, а оно останется, и будет также бесконечно и безучастно расстилаться над головами наших детей, внуков. Никого не будет, а оно будет... Аленка вдруг вспомнила Толстого, и ей казалось, что дорога никогда не закончится. Тяжелая сумка била по ногам. Двигаясь с тяжелой поклажей, очень хорошо думать о «вечном», особенно о небе, потому, что впереди больше ничего нет. Подмерзшая утром грязь немного растаяла и снова начинала липнуть к сапогам, отчего ноги становились невыносимо тяжелыми. Дорога, широкая и прямая постепенно сужалась и тонкой струйкой растворялась в горизонте. Открывшаяся Ленкиному взору бесконечная панорама неожиданно закрылась. Невысокая, плотная женщина семьдесят шестого размера с двумя огромными сумками почти до земли обогнала Аленку. Из сумок торчали тугие кочаны капусты. В семьдесят шестом размере Аленка признала парторга отдела Галину Николаевну... «Да», – подумала Ленка: «Ее легче перепрыгнуть, чем обойти. Такой резвости позавидует рысак. А тут один вилок, и то думаю: не бросить ли», – Алена тяжело вздохнула и посмотрела на маленькую грязно-синюю сумку, которая в этот момент больно ударила ее по сапогу, – «Да, Ленка, практики у тебя никакой».

Заветный лесок неожиданно вырос перед глазами, и трепетное солнце запуталось в сетях веток, как огромный зеркальный карп. Дерзкое карканье оборвало осеннюю тишину, и легкий шепоток моторов предательски долетел до ушей. Путники дружно остановились и без команды присели. Серое небо, серое солнце, серая дорога, серые деревья и даже вороны на деревьях тоже серые и только машины желтые... стояли на пустынной дороге. Над капотами машин с завидной периодичностью выглядывали синие фуражки с большими сверкающими кокардами, как мишени в тире.

– Бросайте сумки и выходите с поднятыми руками! – раздалось по всей округе из громкоговорителя, – Соппротивление бесполезно! – полетело вдогонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.